

Ubanhebung

Иван Александрович Ильин

Понятия права и силы (опыт методологического анализа)

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177392

И. А. Ильин. Собрание сочинений в 10 томах. Том 4: Русская книга; Москва; 1994

ISBN 5-268-01394, 5-268-01393-9

Аннотация

Первая оригинальная работа Ильина – «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа» (1910) – посвящена, казалось бы, частному вопросу: можно ли в определенном отношении считать тождественными право и силу? Главный смысл работы Ильина заключается в демонстрации того, что право в его сущностном понимании не есть «реальность» в обычном смысле этого слова. Право есть внешнее выражение некоторых глубинных отношений между людьми, выходящих за пределы их существования в материальном мире. Утверждая, что в чисто юридическом и логическом плане право принципиально отличается от силы, главный признак которой – ее непосредственное осуществление в материальном мире, Ильин фактически утверждает, что право есть феномен, связанный с некоторой сверхэмпирической сферой, лишь опосредованно проявляющейся в реальности эмпирического мира, в отношениях сосуществующих правовых индивидов.

Содержание

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ	4
Глава I	4
Глава II	8
Глава III	10
Глава IV	14
Глава V	18
Глава VI	24
Глава VII	27
ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ	28
§ 1. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНОВЕДЕНИИ	28
§ 2. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНЕ И НОРМЕ	30
§ 3. НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕЖИТИЯ	33
§ 4. ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ	36
§ 5. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ	39
§ 6. ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ	41
§ 7. НОРМЫ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ	43
§ 8. НОРМЫ МОРАЛИ И ПРАВА	46
§ 9. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО. ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ	49
§ 10. ЦЕЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА. ПРАВЫ	52
§ 11. СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА. ОБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО	54
§ 12. СУБЪЕКТ ПРАВА. ЛИЦО ФИЗИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ	57
§ 13. ПРАВООТНОШЕНИЕ. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА	60
§ 14. ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. ДЕЙСТВИЕ ПРАВА ПО ВРЕМЕНИ, ПО МЕСТУ И ПО ЛИЦАМ	64
§ 15. ДЕЛЕНИЕ ПРАВА. ПРАВО ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

И. А. ИЛЬИН

ПОНЯТИЯ ПРАВА И СИЛЫ

(Опыт методологического анализа)

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ О СУЩНОСТИ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Глава I

Вопрос о соотношении права и силы заслуживает со стороны юриста особого внимания по целому ряду оснований. Так, с одной стороны, эта проблема играет видную роль в *истории политических учений*. Самые различные философские, политические и юридические доктрины подходят к ней с тем, чтобы дать ей то или иное истолкование и решение, и если мы возьмем только те учения, которые так или иначе *сближали* силу и право, то перед нами развернется длинный ряд воззрений, нередко совершенно разнородных в целом и по существу. В той или иной модификации мы найдем это сближение и у софистов, и у пламенного республиканца Макиавелли, и у монархوماхов (Гюбер Ланге), и у натуралиста Гоббса, и у Спинозы, и у крайнего индивидуалиста Штирнера, и у реакционера Галлера, и у социолога-правоведа Гумпловича, и у многих других. Идейный материал столетиями накапливался вокруг этой проблемы, и сущность ее приобретала постепенно все более утонченный и запутанный характер. Наличие сходных решений в самых различных доктринах должна была бы уже сама по себе приковать внимание исследователя к этой проблеме.

К этому присоединяется далее *практическая жизненность* этого вопроса. Самые различные социальные группы заинтересованы в том или ином практическом разрешении конфликта между правом и силой, в установлении так называемого «правильного» соотношения между этими моментами *общественной жизни*. И хотя практический интерес, заставляющий бороться за торжество «бессильного права» или сочувствовать «бесправной силе», и способен вообще вызвать теоретический интерес к проблеме, но важность и необходимость предварительного научного аналитического освещения вопроса далеко еще не сознается в достаточной мере.

Теоретическая сложность проблемы является третьей особенностью ее, способной приковать к ней внимание исследователя. Среди юристов-теоретиков проблема соотношения права и силы может и должна вызывать интерес в представителях всех отдельных дисциплин: вопросы об определении права, о его образовании, применении и содержании близки каждому юристу-теоретику, как таковому, а проблема эта находится в теснейшей связи с этими вопросами. Самые понятия права и силы принадлежат к числу самых трудных и сложных в истории научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее об этих понятиях является до сих пор делом недостижимой трудности и *может вообще показаться*, что проблема их соотношения должна быть отнесена к числу так называемых «проклятых» проблем.

Поэтому, если мы берем на себя задачу сказать нечто по ее поводу, то не потому, чтобы она казалась нам по существу своему несложной, а решение ее легко достижимым; но потому, что некоторые общие точки зрения, складывающиеся за последнее время в фило-

софии и философии права, намечают, по нашему мнению, тот *путь*, движение по которому позволит, может быть, внести в эту проблему необходимый аналитический свет.

Чтобы стать на этот путь, необходимо прежде всего признать, что историко-философскому и практическому освещению ее должен непременно предшествовать теоретический анализ. Сущность воззрения на право и силу не может быть понята ни в одной исторически известной нам доктрине, если мы не сделаем предварительно попытки определить эти понятия в терминах современной науки: ибо процесс уяснения отживших учений состоит по существу в переводе их на язык современных понятий. Точно так же критическая оценка этих учений предполагает, что проблема так или иначе теоретически решена, что «правильное» соотношение *понятий* найдено. Наконец политик-практик, говорящий о «силе права» и о «праве силы», должен ясно и отчетливо представлять себе все внутреннее, логическое значение этих словосочетаний, и именно теоретический анализ понятий может поставить на должную высоту осмысленности его рассуждения и действия. Итак, юристу, кто бы он ни был, необходимо начать с теоретического рассмотрения проблемы.

Проблему о соотношении права и силы мы попытаемся поставить здесь с общеправовой точки зрения. Это значит, что мы отвлечемся от тех постановок, которые она получает в отдельных юридических дисциплинах и от тех специальных вопросов и затруднений, которые возникают для нее в отдельных науках, и подойдем к ней с точки зрения *общего правоведения*. На первый план, след., у нас станет *анализ понятий* силы и права, но притом в одном определенном отношении.

Изолируем нашу постановку еще полнее и точнее. Мы отвлечемся от вопроса о том, что в *этическом* или *социально-философском* отношении *ценнее*— право или сила; или что чему должно служить в *политическом* отношении, т. е. право ли есть *цель*, а сила — *средство*, или наоборот. Мы оставим также в стороне вопрос о том, что над чем торжествовало в процессе *исторического* развития и что являлось *причиной* и что *следствием*. Нас интересует не то, что *должно* быть в общественной жизни, и не то, что *было* в исторической действительности. Все эти вопросы высокой важности и интереса. Но не в них сейчас центр тяжести. Анализ понятий силы и права мы попытаемся произвести здесь с точки зрения *общей методологии юридических дисциплин*.

Современное правоведение все с большей определенностью и принципиальной осознанностью приходит к признанию того, что право само по себе есть некоторое в высшей степени сложное и многостороннее образование, обладающее целым рядом отдельных сторон и форм «бытия». Каждая из этих сторон входит в сущность того, что именуется одним общим названием «права», но каждая из них представляет по всему существу своему нечто до такой степени своеобразное, что предполагает и требует особого, наряду с другими, специального определения и рассмотрения. Если общее изучение опускает хотя бы одну из этих сторон, то оно не полно; если изучение одной из них бессознательно сливается с другой, то возникает опасность методологических смешений, могущих иногда прямо обесценить все исследование. Эта точка зрения признает таким образом, что нет единого универсального и исключительного способа изучения права, который вытеснил бы и заменил все остальные, сделал бы их излишними, ненужными. Способов изучения права много; каждый из них в отдельности ценен, необходим и незаменим. Вера в спасительный методологический монизм падает и уступает место принципиальному признанию *методологического плюрализма*.¹

¹ К числу сторонников этой точки зрения принадлежат в западной науке: Laband P. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. B. I, p. VII–X; Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. P. 23–48; Lask E. Rechtsphilosophie Art in Festschrift für K. Fischer; Weber M. R. Stammlers Ueberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung; Art. in Archiv für Socialwissenschaft. B. XXIV; и другие. В русской науке: П. Новгородцев. Государство и право. «Вопр. фил.». Книга 74–75. А. Алексеев. К учению о юридической природе государства. Th. Kistiakowsky. Gesellschaft und Einzelwesen. Г. Шершеневич. Курс гражданского права. 1901, т. I,

Все правопознание начинает с этой точки зрения осложняться, расслояться, дифференцироваться. Юридические дисциплины начинают разделяться уже не только по характеру регулируемых отношений, а по *способу рассмотрения* права, как такового. Подходя к праву во всей его сложности со своей особой точки зрения, каждая методологически обособленная дисциплина выделяет в нем именно ту сторону, которая важна для нее, и именно эту сторону объявляет существенной в праве, составляющей искомую сущность права. Получается не одно определение права, а несколько, может быть много, и ни одно из этих определений не может и не должно претендовать на исключительность. Все они вместе и только сообща могут притязать на исчерпывающее постижение сущности права.

Между этими отдельными способами рассмотрения, между этими *методологическими рядами правопознания* может быть большая и меньшая близость и отдаленность. Взаимная отдаленность отдельных рядов может доходить до совершенной и полной, кардинальной оторванности. И именно в этом последнем случае понятия, принадлежащие к одному ряду, стоят по отношению к понятиям другого ряда в плоскости, по всему существу своему несходной, иной, чужеродной. Есть ряды правопознания, которые не только не дают ответа на вопросы, возникающие и стоящие в другом ряду, но даже не терпят их перенесения и постановки в *своей сфере*. Такие ряды должны быть охарактеризованы как ряды *взаимно индифферентные в методологическом отношении*, и сознание этой индифферентности есть одна из ближайших и важнейших задач всего правоведения в целом. Так, напр., *историческое* рассмотрение и *социологическое* рассмотрение правовых явлений родственны друг другу, иногда сливаются и переливаются друг в друга; точно так же *философская* оценка правовых явлений и *политико-телеологическое* рассмотрение их – имеют некоторые точки соприкосновения. Но, напр., *догматическая* разработка *норм права*, имеющая целью построить систему юридических понятий, и *социологическое* объяснение правовых явлений движутся в двух совершенно различных плоскостях, в известном отношении могут стать в положение взаимно индифферентных рядов, а в определенных вопросах обнаружить даже прямую противоположность.

Заметим еще, что *принцип методологической индифферентности* отнюдь не имеет и не должен иметь того смысла, что известные явления общественной жизни не стоят друг с другом ни в какой *реальной* связи, не обуславливают друг друга или не определяют. Сущность этого принципа состоит в известном, условно допускаемом, познавательном приеме *логического* отвлечения от одних сторон права при рассмотрении других сторон его. Конкретнее и определеннее говоря: познавая право в логическом ряду, мы отвлекаемся от тех сторон его, которые характеризуют его как реальное явление. Здесь противопоставляются не два явления, а, с одной стороны, право как явление, с другой стороны, право как нечто, рассматриваемое вне плоскости реального. Но по существу об этом дальше.

Произвести тот анализ понятий права и силы, который мы здесь предпринимаем, значит постараться обнаружить, есть ли возможность того, что известный методологический ряд правоведения или, может быть, несколько методологических рядов окажутся сродными той научной плоскости, в которой стоит понятие силы. И если окажется, что такое сродство или скрещение этих методологических рядов *вообще* возможно, то нам останется проследить и указать, для каких именно рядов это возможно и насколько. Тем самым решится и коррелятивный вопрос: есть ли у права такая сторона, которая *никоим образом* не терпит методологически сближения или тем более отождествления его с силой. И если есть, то какая это сторона. Это и даст нам возможность сказать: возможно ли вообще рассматривать право как силу, допустимо ли это вообще с методологической точки зрения, и если допустимо, то в каких оттенках обоих понятий это возможно. Тогда только у нас окажется в руках и крите-

рий для понимания и критической оценки всего ряда исторически известных нам доктрин, сближавших или тем более сливавших понятия силы и права. Тогда только и политик-практик получит возможность представить себе с полной ясностью и отчетливостью, в каких значениях право становится силой и какие меры могут содействовать или препятствовать праву в осуществлении его функции.

Глава II

Установим прежде всего, что понятие силы, как бы оно ни определялось, лежит всегда в *реальном* ряду, имеет всегда *онтологическое* значение, тогда как понятие права может и не находиться в реальном ряду, может не иметь в числе своих предикатов признака бытия (так или иначе конструированного).

Итак, понятие силы имеет всегда онтологическое значение.

Если оно рассматривается с *наивно-реалистической* или, в частности, с обычной натуралистической точки зрения, то под силой разумеют обыкновенно некоторое свойство, точнее, способность предметов и вещей, обладающих конкретной реальностью. В таком случае сила является *реальной* (безразлично – действующей или не действующей) *способностью эмпирически реальных вещей*.

Если же к понятию силы подходят с точки зрения *метафизической*, то сила может получить тройное значение: сила или составит сущность самой субстанции (так было у Лейбница), или она явится атрибутом субстанции (так было у Спинозы),² или же она получит значение самостоятельного в своей сущности атрибута, свободного от принадлежности субстанциальному субстрату (так было у Фихте Старшего). Во всех этих трех случаях сила имеет (безразлично – самостоятельную или не самостоятельную) метафизическую реальность.

Наконец, если понятие силы берется с точки зрения *критической теории познания*, то оно получает значение понятия, применяемого к данности чувственных созерцаний (т. е. к явлениям и только к явлениям) рассудком, создающим опыт как совокупность научно-достоверных утверждений; это есть понятие, служащее для объяснения *чувственно-реальных феноменов*. В этом случае сила сама *не* есть нечто реальное, но является понятием, применимым только к тому, что само чувственно-реально.

Так было, напр., у Канта.

Эти три различные точки зрения на «силу» могут еще, сливаясь и сплетаясь, образовывать новые, более сложные учения, сращивающие, напр., оттенки эмпиристический с метафизическим (так было у Ницше), или критический с метафизическим (Шопенгауэр) и т. д.

Одно обще всем учениям о силе: это – *помещение ее в реальный ряд*. Сила или сама реальна – эмпирически или метафизически, во времени или вне времени, самостоятельно или зависимо, – или же есть принцип для познания реального. Вот почему мы сказали, что понятие силы имеет всегда онтологическое значение. Если при этом реальность, в ряду которой живет и движется представление о силе, строится вне данности, из понятия, то мы будем говорить о метафизической реальности силы; если же эта реальность строится из данности, из созерцаний и восприятий, то она будет неизбежно мыслиться во временном ряду и получит значение эмпиристической. Поэтому мы можем условиться, что все, что мыслится во времени, напр., как возникающее, развивающееся, как имеющее свою причину в прошлом, как «обусловленное» предшествующим или сосуществующим, – мыслится как эмпирически-реальное. Поэтому мы можем сказать, что все, что помещается в тот познавательный ряд, в котором живет представление о силе, помещается с методологической точки зрения в ряд *реальный*: получает само значение *реального*, метафизически-реального или эмпиристически-временно-реального. Это уясняется еще более из следующих соображений.

² Можно принять это обозначение условно из сопоставления Spinoza. Ethica. Pars I. Def. IV и ibid., prop. XXXIV, не входя в рассмотрение его учения об атрибутах. Понимание «атрибута» Спинозы как первоначальной силы отстаивает Куно Фишер. Gesch der neueren Phil. B. II, s. 235, 383–395 u. a.

Именно, мы можем установить и еще нечто, как общее всем пониманиям силы и вскрывающее по существу познавательную роль этого понятия. Под «силой» всегда разумеется *способность реального к действию*.

Сила есть всегда *способность*, составляет ли она самую сущность вещи, или только свойство ее, или играет роль рассудочной категории: с понятием силы всегда связывается представление о некоторой *способности*, или остающейся в чисто потенциальном состоянии, или уже осуществляющейся. Способность эта может носить далее характер *физический* или *психический* (истолковываемый с точки зрения метафизики или эмпирии), или проявляться в дальнейших подвидах этих видов, но она всегда мыслится как способность.

При этом она обыкновенно связывается с представлением о каком-нибудь носителе, который сам является членом *реального* ряда: элементом внешнего мира или элементом психической жизни.

Наконец, это есть способность к *действию* в самом неопределенном и общем смысле этого слова, будет ли это действие проявляться в самоподдержании, как у Спинозы, или в саморазвитии, как у Фихте, или в причинном определении других элементов реального ряда, как у Канта и эмпириков. И поскольку мы будем иметь в виду именно эмпиристический ряд, постольку мы будем говорить именно о *причинном* значении силы, о силе как *способности быть причинно-определяющим моментом в сфере физической или психической*.

Чтобы покончить с этим, по необходимости схематическим, анализом понятия о силе, добавим еще следующее. Возможность истолковать силу как совершенно «идеальное» начало, вроде идеи «Духа» у Гегеля или вроде освобожденной от психологического и антропологического аспектов, чисто-трансцендентальной, кантианской категории, – нисколько не опровергает нашего тезиса о «реальном» значении этого понятия. То понимание «идеального», которое в этом случае поглощает представление о силе, или само является новым, может быть, утонченным видом реального или определяется в своей сущности и в своем значении как логическое орудие для установления или обоснования суждения о реальном. И в этом случае сила, хотя и «идеально» истолкованная, является или чем-то сущим и свойством сущего, или же предикатом, приложимым только к сущему. Так, «Дух» Гегеля реален высшей реальностью; трансцендентальная категория применима только к «временному» и потому к реальному. Итак, с познавательной точки зрения сила причастна всегда реальному ряду потому, что или к ней приложим предикат «бытия», или она сама является предикатом «сущего», или же, наконец, и то и другое вместе.

Отсюда ясно, что для того, чтобы понятие права сближалось с понятием силы или тем более поглощалось им, необходимо, чтобы оно само переносилось в *онтологический ряд*, чтобы право так или иначе само становилось членом *реального* ряда, получало значение чего-то *реального*. Вне этого понятия силы и права не могут сближаться, и если мы видим, что эти понятия попадают в том или ином учении в такое соотношение, при котором *понятие права определяется через понятие силы* (т. е. сила является родовым понятием, а право видовым), или же признаки понятия права и признаки понятия силы соединяются *в третьем понятии*, как бы в их логическом детище, то мы можем быть уверены, что *право* так или иначе стало членом реального ряда, *получило реальное значение*. В таком случае мы можем уверенно сказать: эта доктрина мыслит право как нечто реальное. При этом (не входя еще в методологический анализ *права*), если сила мыслится как метафизическая сущность, то право получает значение метафизической реальности, если же сила мыслится в эмпиристическом духе, то право получает значение эмпиристической реальности, т. е. право мыслится как реальное, существующее во времени.

Глава III

Теперь мы можем перейти к вопросу о том, какие методологические ряды доступны праву, т. е. с каких методологических точек зрения можно подходить к этому понятию. Причем, если в числе этих рядов окажутся ряды реального характера, то нам нужно будет решить, как определяется в них понятие права и в каких формах оно может сближаться с понятием силы; если же окажутся ряды, чуждые реальному, свободные от всякой онтологии, то какое значение получает понятие права *в них* и к чему приводит вторжение в эти ряды понятия силы.

Прежде всего, говоря о праве, юрист имеет обыкновенно в виду два общие и основные значения его: право в объективном смысле и право в субъективном смысле, т. е. правовые нормы и правовые полномочия, выведенные из этих норм. Этим вопрос о соотношении права и силы разбивается на два основных русла, поскольку с понятием силы будет сближаться понятие права в *объективном* смысле или понятие права в *субъективном* смысле. Следовательно, необходимо выяснить, может ли правовая норма получить значение силы и может ли правовое полномочие получить значение силы. Мы начнем с анализа первого вопроса.

Если есть какой-нибудь тезис, который мог бы рассчитывать на широкое признание среди юристов-теоретиков, то это тезис, утверждающий, что *право есть норма* или *совокупность норм*. Юрист, который не согласился бы признать это, наверное, поверг бы всех в изумление. Но, если понятие права, определяемое в строго логическом порядке – *per genus proximum*,³ упирается в понятие нормы, то необходимо спросить, что есть норма. Под нормой я разумею *суждение, устанавливающее известный порядок как должный*.⁴ Термины же порядка, «должного» и суждения слагаются при этом так.

Порядок есть известное *постоянное отношение между элементами множества*. Так, порядок непременно предполагает наличность не одного элемента, а двух или *многих*. Минимум – двух, максимум – положительной бесконечности элементов. «Порядок», мыслимый во внутренних отношениях единого элемента к себе самому, предполагает этот элемент условно разделенным на несколько элементов низшего ранга. При этом для понятия порядка безразлично, что это за элементы: будь это люди, переживания, планеты и т. д.⁵ Далее понятие порядка предполагает, что между этими элементами устанавливается известное *отношение*, ибо элементы, мыслимые вне всякого отношения друг к другу, как взятые

³ Через наиболее близкий ряд (*лат.*).

⁴ Отметим здесь, что *норма всегда* является с нашей точки зрения известного рода *суждением*, но *право не всегда* является *нормой*, как мы ее определили. То состояние права, в котором оно получает устойчивый логический смысл, закрепленный в строгой словесной форме, есть продукт сравнительно позднего и высокого развития; право может долгое время пребывать в состоянии логической бесформности и словесной незакрепленности (напр., обычное право вообще, или известные области английского государственного права, или правовые устои парламентского правления), и в этом виде своем оно оказывается не *нормой* (или соотв. не совокупностью норм), а *переживанием* (или рядом переживаний) *нормативного характера*. Весь устанавливаемый ниже «юридический» способ рассмотрения или вовсе не приложим к этим видам права, или приложим к ним лишь в меру возможности выяснить их логическую и словесную форму. С этой точки зрения право становится нормой и суждением лишь на высшей ступени своего развития, и позднее осознание «юридического» метода в его чистоте и самостоятельности (*процесс этого осознания не закончен еще и поныне*) является вполне понятным и в высокой степени знаменательным последствием этого. Говоря о *задачах* дальнейшего правосоздания и о *путях* дальнейшего праворазвития, можно было бы, пожалуй, установить как *цель* и как *действительную тенденцию* – постепенное высветление и укрепление логического элемента в «действующих» правовых нормах.

⁵ Я не упоминаю здесь о *понятиях* не потому, чтобы в отношениях между ними не был возможен известного рода порядок, но потому, что в отношениях между ними только и возможен порядок, притом такой, *постоянство* которого гарантировано самой их сущностью; он лежит в такой плоскости, которая не знает временности и след., не знает изменения, непостоянства и нормы. Ибо *мышление понятий* причастно временности и подлежит норме, понятия же непричастны временности и норме не подлежат.

из разных, взаимно индифферентных, плоскостей, не могут образовать ни порядка, ни беспорядка: стоит только попытаться понять «отсутствие отношения» как порядок, и мы сейчас же убедимся, что оно само получило значение известного вида отношения. При этом для *родового* понятия порядка, а мы имеем теперь в виду именно его, безразлично, какого рода это «отношение»: есть ли это взаимодействие людских душ, или ассоциативная связь, или тяготение. Наконец, отношение это мыслится как постоянное, и «постоянство» и образует тот специфический признак, который отличает видовое понятие «порядка» от родового понятия «отношения». Это постоянство может мыслиться как в последовательности или в сосуществовании или в том и в другом вместе, оно может мыслиться как «устойчивость» или как «повторяемость», но оно всегда должно быть налицо и всегда имеет в основании своем известную *схему*, позволяющую констатировать эту устойчивость или повторяемость. Так, порядок есть известное постоянное отношение между элементами множества.

Этот порядок устанавливается в норме как *должный*. Если суждение устанавливает известное постоянное отношение между элементами множества как обобщение, добытое анализом временной или пространственно временной данности (т. е. действительности), то оно формулирует закон, который можно охарактеризовать как позитивный. В таком случае мы имеем перед собой результат индуктивного исследования, высказывающий нечто о том, что есть, и притом не по вопросу о том, *есть* ли оно, а по вопросу о том, *как* оно есть, т. е. о типичных отношениях между элементами существующего. В своем же конкретном применении это отношение мыслится само как существующее, реальное, независимо от того, должно оно быть таким или *не* должно. Если же суждение устанавливает известное постоянное отношение между элементами множества, не основываясь, по существу, на анализе действительности и не имея в виду дать отвлеченную формулу для совершающегося в ней, а утверждая значение этого постоянного отношения как *ценного*, и притом ценного и вне реальности, но имеющего получить завершение своего «значения» в общем смысле этого слова, здесь неопределимом, именно через реализацию,⁶ то оно формулирует *норму* в общем значении этого слова. В таком случае мы имеем перед собой суждение, высказывающее, что нечто должно быть, и притом независимо от того, *есть* оно в действительности или его нет. Норма устанавливает известное постоянное отношение между элементами множества, именно как *должное*.

Наконец, говоря о суждении, мы имеем в виду следующее. Суждение может рассматриваться *или* как психический акт, и тогда оно является моментом реального процесса во всей его данной эмпирической сложности; или как связь между двумя (простейший случай) понятиями, т. е. мыслимыми содержаниями, субъектом и предикатом; эта связь обозначается условным, не имеющим онтологического значения, термином «есть» и выражается в «частичном» логическом совпадении двух понятий; мы говорим «частичном», имея в виду, что полное совпадение их дало бы единое понятие и превратило бы суждение в тождество. Связь эта бывает всегда и не может не быть выражена в словах. Употребляя термин «суждение», мы берем его именно во втором его значении и считаем необходимым оговорить это особенно потому, что русский язык еще не знает особого термина для логического понятия «суждение» и особого — для психологического понятия «суждения».

Итак, тезис «право есть норма» в развернутом виде гласит: *право есть суждение* (т. е. выраженная в словах связь между двумя мыслимыми содержаниями, выражающаяся в их частичном логическом совпадении), *которое устанавливает известный порядок* (т. е. известное постоянное отношение между элементами множества) *как должный*. Или: право есть норма, норма есть суждение. И отсюда с необходимостью должна вытекать возмож-

⁶ Ограничиваюсь этим намеком на определение категории долженствования, имея в виду, что развернуть его можно только в особом исследовании в связи с понятиями ценности и цели.

ность рассматривать право как норму и как суждение. Ибо если понятие суждения есть род, а понятие нормы есть вид, и все признаки родового понятия по общему правилу присущи понятию видовому, то праву должны быть присущи все признаки нормы; а если мы учтем, что такое же отношение рода к виду лежит между понятием нормы и понятием права, то станет ясным, что праву должны быть присущи и все признаки суждения. Итак, право может рассматриваться как норма и как суждение.

Устанавливая этот тезис, мы должны оговориться, что правовая норма может состоять не только из одного, но и из нескольких суждений, что она может быть (и нередко бывает) формулирована в виде умозаключения и что каждое суждение, входящее в правовую норму, может в свою очередь устанавливать связь не между двумя только, но и между несколькими понятиями. Эти понятия могут быть слиты в одно путем подчинения (напр., понятие «управления канцелярией Государственной Думы» ст. 29. Учреждения Гос. Думы) или могут стоять в раздельности и образовывать сложный субъект суждения (напр., «виновный в том-то... виновный в том-то... виновный в том-то... наказуется...» ст. 73. Русск. Угол. Улож. 1903 г.). Добавим еще, что мы совершенно сознательно опустили доказательство или обоснование второй посылки, необходимой для формулированного только что вывода, посылки, утверждающей действительную наличность в положительном правовом материале «норм-суждений» в нашем смысле этого слова. Достаточно сослаться на *все «писаное» право*, чтобы освободить себя от доказательства этой посылки. Вся так называемая догматическая разработка права, сознательно или полусознательно, берет право именно как норму и как суждение, хотя в громадном большинстве случаев и сплетает рассмотрение их с элементами, взятыми из других методологических рядов. Последнее обстоятельство и заставило нас остановиться с большим вниманием на этих понятиях, ибо только строгая методологическая чистота и выдержанность в определении и рассмотрении правового объекта могут дать возможность решения нашего основного вопроса.⁷

Суть дела в том, что оба указанные рассмотрения (трактующие право как норму и как суждение) могут вполне отвлекаться от всякой временности и действительности, т. е. двигаться в ряду, чуждом бытия и реальности. Это возможно, *во-первых*, благодаря тому, что норму, как правило должного, можно и интересно подвергать научному анализу в «*формальном*» отношении и *по «содержанию» предписания*, независимо от того, действует она или не действует, т. е. применяется или не применяется, и если применяется, то как и к чему это ведет. Такой анализ правовой нормы производится и будет производиться, и научная ценность его состоит именно в том, что он есть *единственный* путь к познанию *нормы, как таковой*. Мы увидим сейчас, что другие способы рассмотрения не могут заменить *этого* способа, ибо ставят себе другие задачи, и притом такие, которые предполагают *эту* задачу решенной. *Во-вторых*, отвлечение нормы от времени и действительности возможно еще и потому, что «*норма*» и «*сознание нормы*» не одно и то же. Норма может рассматриваться по содержанию так, что она будет представляться не как чья-то мысль, т. е. не как мысль того или иного определенного человека или определенной группы людей, а как мыслимое содержание нормативного характера вообще и само по себе. Что-то устанавливается как должное; я могу интересоваться этим установлением и этим должным, не спрашивая о том, в чьем сознании живет представление об этом должном, как оно в нем складывается, как влияет на его мысли, чувства и поступки и т. д. Это не значит, конечно, что эта последняя группа вопросов не важна, не нужна или не представляет научного интереса. Нисколько, наоборот.

⁷ Мы не даем здесь развитого определения понятия «*правовой нормы*» в его специфическом отличии от других видов норм потому, что центр тяжести лежит для нас не в вопросе о том, *какая* норма правовая (решение этого вопроса требует самостоятельного исследования, и мы условно отодвигаем его), а в том, является ли право нормой и только ли нормой, или еще чем-нибудь.

Но вся эта серия вопросов вращается совсем в другой плоскости, в плоскости инородной, гетерогенной формальному ряду.

То же самое повторяется и при рассмотрении права как суждения. Если *нормативное* рассмотрение интересуется правом как *юридической нормой*, т. е. ее юридическим характером и содержанием ее предписаний, то *логическое* рассмотрение интересуется правом как *юридическим суждением* и ставит себе задачей научное выяснение и систематическую разработку тех юридических понятий (мы называли их выше мыслимыми содержаниями суждения, субъектом и предикатом), которые связываются в суждении. Этот анализ может производиться опять-таки в полном отвлечении от временной среды и временных условий. Суждение в своем *логическом составе* и суждение как *чья-то мысль*, т. е. как содержание сознания определенного человека или определенной группы, или даже неопределенной совокупности людей – суть совершенно различные вещи. Я могу интересоваться логическим содержанием суждения и его понятий, не интересуясь тем, что оно *в действительности* мыслится или, может быть, кем-нибудь и не мыслится, не спрашивая о том, в *чем* сознании оно возникло и живет, как оно влияет на его мысли и чувства, в каких ассоциативных связях оно у него стоит, и т. д. Вопросы эти важны и ценны, но они вращаются не в логической плоскости, а в психологической.

Возможность и ценность *нормативного* рассмотрения права в отрыве от политического, социологического, исторического и психологического и возможность *логического* рассмотрения суждения в противоположность психологическому – должны получить и получают постепенно в последние годы признание в разных областях научного мышления – в логике и юриспруденции. Это, несомненно, знаменательный плод методологического углубления познания, который, как мне кажется, интересен и ценен во многих отношениях. Примером является наш вопрос о праве и силе.

Глава IV

Мы можем *условиться* объединить *нормативное* и *логическое* рассмотрение права в общем термине *юридического* рассмотрения, противопоставляя, однако, это юридическое рассмотрение отнюдь не моральному, эстетическому и т. д. Термин «юридического» в нашем *условном* использовании его отнюдь не предполагает готовым определение понятия права, как это и видно из всего хода наших рассуждений; наоборот, метод, обозначенный нами этим термином, сам впервые открывает возможность получить узкое, но строго логическое и методологически-чистое определение понятия права. Рассматривать как *норму* и как *суждение* можно не только право, но и мораль, и логическое, как таковое, и эстетическое, словом, все те сферы познания, которые имеют по своему предмету нормативный характер; и там этот методологический ряд может быть (тоже, конечно, условно) охарактеризован как специфически моральный, логический, эстетический и т. д. Одним словом, когда мы характеризуем нормативное и логическое рассмотрение права как «юридическое», то этот термин имеет у нас значение «формально-методологическое», а не «материально-предметное».

И вот, если мы признаем, что возможно и ценно методологическое обособление этого «юридического» ряда от временных рядов, трактующих так или иначе *правовую действительность*, то мы увидим, что в понятии права (как нормы и суждения) вскрыта тем самым известная сторона, которая не терпит сближения с понятием силы. Ибо мыслить право как силу значит мыслить право как нечто реальное, а юридический ряд характеризуется в своей методологической сущности именно полным и последовательным отвлечением от всего реального, от всякой «онтологии», как таковой. Отвлекаться же от реального ряда с тем, чтобы незаметно или бессознательно вводить реальные понятия обратно, есть операция явно несостоятельная. Или юридическое изучение права допустимо, и тогда оно должно последовательно сохранять до конца свою методологическую определенность, которую мы стремились установить выше, или же оно должно быть отвергнуто как таковое – принципиально и вообще; но тогда в изучении права образуется незаполненная познавательная каверна.

Устанавливая этот отрыв «юридического» анализа от психологического, исторического и политического, как движущихся в реальном ряду, мы видим себя совершенно свободными от упрека в придании праву какой-то новой вневременной реальности, от упрека в анти-историзме, в предоставлении логике какого-то исключительного господства в политических учреждениях (возражение Деландра Лабанду), в вере в реальные дефиниции (возражение Гирке Лабанду) и т. д. Нормативное и логическое рассмотрение права не видит в нем чего-либо реального ни в каком отношении, мало того, самая постановка вопроса о том, не реально ли право в этих методологических рядах – не имеет смысла: оно здесь ни *есть*, ни *не есть*, ему не приписывается ни *бытие*, ни *небытие*, ибо предикат «реального» мертв для этого ряда. При этом отрыв права от исторической и психологической и всякой другой действительности есть, как и всякий другой методологический прием, *условная* операция, преследующая возможно большее логическое осознание изучаемого предмета и методологическое очищение приемов исследования ради продуктивности научного познания. Выводы, добытые «юридическим» анализом относительно правовых норм, само собой разумеется, будут отнесены впоследствии в рамки исторической эпохи и временных условий, ибо юрист никогда не забудет о совершенной им в начале «искусственной» и условной изоляции. Но именно это *предварительное* и *последующее*, обращение познающей мысли к сознанию *единства предмета* и к сознанию необходимой принадлежности отдельных сторон его – сначала к «иррациональному» синтезу *непознанного* предмета, как данному, и потом к «рационалистическому» синтезу *познанного* предмета, как заданному – обеспечивает возможность соблюдения строгой методологической последовательно-

сти и чистоты в изолировании и изучении отдельных сторон *познаваемого* предмета. Необходимым коррелятом методологического *плюрализма* является методологическая *чистота* в познании, и «заданный» синтез познанного предмета (в нашем случае «права» в самом общем и широком значении этого слова) будет естественно тем более исчерпывающим, глубоким и тем совершеннее отражающим бесконечную сложность «иррационалистически» представляемого, «данного» предмета, чем детальнее последний был дифференцирован в процессе познания и чем последовательнее и строже была проведена эта методологическая дифференциация. Насколько важно *до* вступления в известный методологический ряд и *по* выходе из него помнить о том, что в сущности познаваемое едино и цельно, настолько же может быть полезно забыть об этом единстве и об этой цельности *в пределах* отдельного познавательного ряда, и это касается особенно тех рядов, которые строятся по принципу «методологического индифферентизма».

Так, именно в нашем случае все дисциплины, движущиеся в «юридическом» ряду, трактуют и должны трактовать право в таком понимании, которое исключает в составе его признаков категории реального ряда и, в частности, категорию силы. Понятие права и другие юридические понятия не должны определяться здесь через признак силы; для юриста в тесном смысле этого слова право есть норма и суждение и *не* есть ни в каком отношении сила. Право как норма и суждение и право как сила – суть понятия, лежащие в методологически-индифферентных рядах. Поэтому все те конструкции правовых понятий, которые непосредственно или в замаскированном и утонченном виде вносят в юридические определения момент силы – сливают два методологически-индифферентные ряда и или должны быть признаны неюридическими (в тесном смысле), или должны быть критически пересмотрены.

И это касается прежде всего основного *юридического* определения самого понятия права. Общая теория права может и должна в той части своей, в которой она рассматривает это определение, учесть и подвергнуть анализу все отдельные стороны права. Но первой и главной ее обязанностью является дать чисто «юридическое» определение права как нормы и суждения с известными видовыми специфическими признаками. Это безусловно необходимо потому, что в *логическом* порядке юридические (в тесном смысле) определения предшествуют другим рассмотрениям и определениям. Для всех остальных способов рассмотрения и, след., для всех остальных методологических рядов юридические определения являются необходимыми предпосылками, без которых те не могут и шагу ступить. Это ясно уже на двух основных реальных рядах правопознания – психологическом и социологическом.

Так, прежде всего в психологическом понимании право есть не что иное, как правовое переживание или переживание права. Это есть право, введенное во временный поток индивидуального сознания или ряда индивидуальных сознаний в качестве одного из их содержаний; именно в таком реальном значении и анализирует право психолог. Но понятие о «переживании правовой нормы» или «правового полномочия» (соотв. «обязанности») предполагает, что правовая норма и правовое полномочие где-то уже определены, иначе психолог не имел бы никакой определенной схемы для отграничения своего объекта. Это определение должен дать психологу «юрист», если только психолог не хочет блуждать в потемках и растворять свой объект в широкой и неопределенной атмосфере случайных прозрений. Итак, психологическое рассмотрение права предполагает готовым юридическое определение и опирается на него.⁸

⁸ С этой точки зрения чрезвычайно интересным оказывается то обстоятельство, что самый тонкий, оригинальный и последовательный из психологов-правоведов проф. Петражицкий, устанавливая свое определение права, анализирует право не только как переживание, но и как норму, вскрывая императивно-атрибутивный характер в самой логической сущности правовых норм. См. Теория права и государства. Т. 1, с. 56–59. В методологическом отношении это вряд ли последовательно, но свидетельствует о важности и неизбежности «юридического» пути.

Точно таково же положение социологического правопознания. Если социолог рассматривает, описывает и объясняет процесс взаимодействия человеческих психик,⁹ то социолог-правовед будет иметь дело с правом в двух отношениях: 1. Право окажется для него *явлением* в том смысле, что оно, являясь индивидуальным переживанием, определяет отношения переживающего индивида к другим членам общения; в этом случае социолог берет право в том же понимании, как и психолог, но в ином аспекте – его интересует переживание права в его влиянии не на внутренний мир переживающего индивида, а на отношение индивида к окружающим и отношение окружающих к нему. В этом случае методологическое соотношение социологического и юридического ряда решается по аналогии с психологическим рассмотрением: понятие индивидуального переживания права и в этом аспекте предполагает готовым юридическое определение права. 2. Право в социологическом ряду оказывается далее *правовым явлением* в более узком и определенном смысле. Право в этом понимании есть правовая норма, введенная *через применение ее* в фактический состав общественных отношений в качестве *схемы* этих отношений. Право в момент его применения получает новое значение, фактическое: если в юридическом ряду право было нормой, то в социологическом ряду, после применения, оно получает значение одного из моментов в реальном составе общественных отношений.¹⁰ Оно является здесь опять переживанием, но переживается уже неопределенной совокупностью психик, переживается не только как норма, но и как фактически реализующаяся схема, и как выведенный из нормы в применении к конкретному случаю строй полномочий и обязанностей, обыкновенно с сознанием определенной санкции (в виде предстоящих реальных последствий уклонения) и т. д. Одним словом, *правовое явление* для социолога – это отношение людей *после* применения к нему *нормы права и во все время ее реального «действия»*. Ясно, что понятие правовой нормы или (в частном случае) *содержание данной правовой нормы*, а след., и ее *формальное значение* как таковой, а также *понятия*, использованные в ней, – все это предполагается и здесь известным, готовым, необходимым (для *отграничения объекта* социологического правопознания) и установленным где-то в ином месте. Итак, и социологическое правопознание предполагает готовым юридическое определение и опирается на него.¹¹

Наконец и политическое рассмотрение права, движущееся по существу своему в реальном ряду, предполагает юридический анализ выполненным. Политическая точка зрения помещает право в телеологическую цепь, т. е. в ряд целей и средств.¹² В этом ряду каждое звено, кроме высшего и низшего («конечной» цели и «исходного» пункта), имеет двоякое значение: для каждого высшего звена оно есть средство, для каждого низшего звена – цель. Верховное звено – конечная цель – обосновывается в содержании своем трансцендентально (дедукцией из системы ценностей), все же остальные звенья обосновываются через эмпи-

⁹ При этом я отвлекаюсь от проблемы отграничения социологии от коллективной психологии; этот вопрос далеко еще не решен и, может быть, даже не поставлен ясно в литературе и требует особого самостоятельного исследования.

¹⁰ «Применением» права называют иногда *логическую дедукцию* из известной правовой нормы применительно к известному случаю, конкретно данному или отвлеченно указанному (сборники казусов). Понятая как психический процесс в душе судьи, эта операция входит составным моментом в то понимание применения, которое мы имеем здесь в виду; само по себе оно не может и не должно называться «применением права», но самое большее «применительным анализом норм права».

¹¹ Это относится и к *историческому* правопознанию, поскольку оно имеет дело с объектом, близким к социологическому; оно выдвигает на первый план схему временности в реальных процессах правового «действия», не углубляется обыкновенно (за объективной невозможностью) в психические основы «правоотношения», ограничиваясь описанием и поверхностным, сравнительно, объяснением *внешних* итогов внутреннего душевного процесса, не поднимается к широким обобщениям, уходя более в конкретное эмпирически-единственное, и т. д. Словом, поскольку оно оперирует с правовыми явлениями (я отвлекаюсь в настоящий момент от «исторического» сопоставления итогов «юридического» рассмотрения, полученных от разработки различных совокупностей правовых норм, взятых из различных эпох, – этот ряд остается по существу юридическим и ирреальным), постольку оно предполагает «юридические» определения готовыми.

¹² Из всего учения о телосе [цель (*греч.*)] я даю здесь лишь те определения, которые необходимы для подтверждения основного тезиса работы; прочее же условно отодвигаю в рассмотрение.

рическую причинную связь (индуктивно проверенную или гипотетически построенную), утверждаемую в порядке временной последовательности между всеми низшими звеньями и высшим (соотв. высшими). Таким образом *весь* телеологический (политический) ряд мыслится в схеме временной, мыслится как реальный. Будет ли «право» здесь *только* целью или одновременно и целью и средством – оно мыслится как нечто, подлежащее реализации, реализуемое или реализующее: это будет *право как явление* или *правовое явление*; и то и другое понятие предполагает принцип отбора «правового» от «неправового» установленным, предполагает, что право определено как норма и как понятие. Так, и политическое рассмотрение права предполагает юридический анализ выполненным.

Но если юридическое определение и рассмотрение права есть логический *prīus*¹³ психологического, социологического, исторического и политического определения и рассмотрения, то переход от первого ряда к остальным рядам и может быть, с нашей точки зрения, охарактеризован как *придание праву значения силы*. Именно в остальных указанных способах рассмотрения право делается членом реального ряда. Оно получает значение психически– или общественно-реального момента, стоящего в *реальном взаимодействии* с другими моментами того же ряда. Так *сознание правовой нормы* может определять и определяет в душе человека другие содержания его сознания, оно может вызывать в нем известные новые чувства, хотения, мысли или поддерживать и видоизменять старые. Право как сознание (или шире – переживание) правовой нормы является здесь способным быть причинно-определяющим моментом в сфере психической: оно есть «*сила*».

Точно так же применение права, как введение его в реальные процессы общественности, делает его фактором *реально-определяющим* общественность. Право, как говорят, является здесь «*общественной силой*».

¹³ Исходное, предшествующее (*лат.*).

Глава V

Таким образом получается ответ на поставленный нами вопрос о совпадении и несовпадении права и силы. Нас интересовало все время не столько общее и сходное в этих представлениях, сколько методологическая возможность и необходимость их различения в правопознании. Можно рассматривать с известной точки зрения *и* право, *и* силу как *реальность*; с другой точки зрения можно рассматривать *и* право, *и* силу как *ценность* (право как ценность морально-практического ряда, силу как категорию конститутивного познания, т. е. как «ценность» теоретического ряда); с третьей точки зрения *и* право, *и* силу можно рассматривать как *отвлеченные понятия*. Но не это «*общее*» праву и силе интересовало и интересует нас. Мы стремимся выяснить не столько случаи соподчиненного положения этих понятий, когда оба они наравне подчинены некоторому третьему *над* ними стоящему понятию; но случаи их непосредственного, так сказать, логического касания, когда все признаки одного из них присущи другому (отношение рода к виду), или когда признаки того и другого понятия сливаются в некотором новом представлении, которое не имеет для них значения родового понятия, но, соединяя в себе недопустимым образом категории, взятые из разных плоскостей, представляет из себя мысленное образование, подлежащее аналитическому разложению.

И в этом направлении нам удалось выяснить следующее.

Право может рассматриваться как сила, но может рассматриваться и в таком понимании, которое не допускает сближения с силой. Праву присущи все признаки силы в «*реальном*» правопознании, т. е. в психологическом, социологическом, историческом и политическом рядах рассмотрения; праву не присущ ни один из признаков силы в «*юридическом*» правопознании, т. е. в нормативном и логическом ряду. Иными словами: поскольку право рассматривается как введенное в реальный ряд, постольку допустимо его сближение с понятием силы — здесь сила есть родовое понятие, а право видовое; поскольку же право отрывается методологически от реальности в ее различных видах и пониманиях, постольку такое сближение недопустимо, постольку право и сила лежат в рядах, взаимно методологически индифферентных.

Отсюда ясно, что те определения права и других понятий юриспруденции, которые включают в себя явно или тайно момент силы в том или ином ее понимании, должны быть признаны *не* юридическими в тесном и строгом смысле этого слова или же должны быть исправлены, так сказать, методологически очищены и освобождены от этого момента. При этом, с нашей точки зрения, нельзя отрицать возможности и необходимости таких не юридических определений; но следует неустанно доказывать, что и вообще, и для них самих необходимо сначала установить юридическое определение.

Поэтому до тех пор, пока, напр., Гумплович¹⁴ сближает право и силу исторически и генетически, возражать ему можно только в пределах истории и социологии, т. е. отправляясь от анализа фактического материала правовых явлений, но не с методологической точки зрения. Зато с методологической точки зрения нельзя не признать, что юридическая сущность понятия права остается совершенно незатронутой его социологическими и историческими изысканиями о происхождении права из силы. Юридически понятая наука государственного права занимается не исследованием фактических общественных отношений, подобно Гумпловичу,¹⁵ а анализом норм государственного права.

¹⁴ Gumplowicz L. Allgemeines Staatsrecht. P. 338; u. a. Die sociologische Staatsidee. P. 108–111.

¹⁵ Gumplowicz L. Allgemeines Staatsrecht. P. 377, 438–439; Die sociologische Staatsidee. P. 40.

Или тезис Иеринга, гласящий, что право есть «понятие силы» (*Kraftbegriff*, *Machtbegriff*), а не «логическое понятие»,¹⁶ должен быть, с нашей точки зрения, для оценки разделен на две части: на первую, утверждающую, что право есть «понятие силы», и на вторую, утверждающую, что право *не* есть «логическое понятие». Оставляя в стороне неудачную с точки зрения логики формулировку тезиса (логика не знает противопоставления «понятий силы» – «понятиям логическим»), мы должны признать, что первая часть его не содержит ничего недопустимого, ибо право может в известных рядах рассматриваться как сила; вторая же часть тезиса оказывается неприемлемой потому, что реальное значение права вполне уживается методологически с его логическим рассмотрением. Последнее не должно и не может отрицаться только потому, что в социологическом ряду право оказывается силой, и Иеринг сам в одном из своих лучших ранних сочинений выступал поборником этого рассмотрения (хотя и в невыдержанном методологически понимании¹⁷). И когда в позднейшем своем сочинении тот же Иеринг говорит о двух путях, на которых правовая норма становится силой, а сила – правовой нормой,¹⁸ то он движется все время в реальном социологическом ряду, и в его трактовании «нормы, которая стала силой», противостоит не «норма, методологически индифферентная представлению о силе», а «бессильная норма», т. е. *сознание* нормы, *неспособное* стать «принудительно» определяющим фактором общест-венности.

Или когда Меркель говорит о том, что право в объективном смысле есть социальный фактор,¹⁹ то в этом мы видим методологическое смешение: правовое предписание является, как мы только что говорили, социальным фактором, как сознание нормы или же сверх того в результате своего применения; именно в таком понимании оно становится «силой», но именно в этом понимании оно *не* является уже правом в объективном смысле, ибо право в объективном смысле есть совокупность *норм*, как таковых, а не нормативных содержаний сознания и не фактических схем реальных отношений.

Из всего этого ясно также, что в «юридическое» определение права не войдет целый ряд признаков, содержащих момент силы в *скрытом* виде.

Так, определение права как «выражения воли»²⁰ будет отнесено, с нашей точки зрения, не в юридический, а в психологический ряд. Ибо оно вводит право в реальный ряд, являясь результатом рассмотрения его психологического генезиса и устанавливая между ним и волей реальную связь происхождения. Это дает возможность рассматривать и самое право как причинно-определяющую силу.

Так, определение права как «выражения интереса» также не будет включено, с этой точки зрения, в юридический ряд, ибо и оно вводит в логический анализ каузальное рассмотрение и этим придает самому праву реальное значение силы, ибо рожденное психической «силой», естественно, является силой само.

Точно так же с методологической точки зрения неправильно вводить в юридическое определение права признак «принуждения», если только под этим не разумеется просто неизменную наличность санкционирующей нормы (тогда восстанут возражения индуктивного характера). Вопрос о том, влечет ли за собою всякая «правовая норма», как таковая, проявление и действие социально-принудительного аппарата или *не* влечет, есть вопрос, который может быть решен только описанием и типизацией реального процесса – индивидуального или социального переживания права. Принуждение в этом смысле есть момент реального

¹⁶ R. v. Ihering. Der Kampf um's Recht. P. 9, 11.

¹⁷ R. v. Ihering. Geist des römischen Rechts. I Theil, p. 25–32.

¹⁸ R. v. Ihering. Der Zweck im Recht. B. I, p. 248–249.

¹⁹ A. Merkel. Casammelte Abhandlungen. II. I. Recht und Macht. P. 403–404; Jurist. Encyklopädie. P. 7, § 42.

²⁰ A. Merkel. Jurist. Encyklopädie. P. 22, § 42.

воплощения, реального действия права; оно предполагает, что само право перешло в состояние реальности, что оно реально действует, что оно – сила.

Более утонченным видом сближения рядов является введение признака угрозы или общественной санкции. В этом случае устанавливается тот типичный, якобы для сознания всякой правовой нормы факт, что это сознание сопровождается всегда представлением о возможности или даже неизбежности психического или физического давления на индивида со стороны более или менее определенных общественных слоев. Если даже признать, что право действительно всегда *переживается психически* в аспекте силы, то юрист берет право именно *не* как переживание, а как норму и не привлекает к ее анализу все комплексы ассоциаций, которые его сопровождают.

Точно так же понимание *обязательности* правовой нормы как *силы* не имеет юридического характера. Если обязательность нормы определять как действие ее на человеческую волю, то определение это введет правовую норму в психологический ряд, ибо на волю действует *не норма*, а *представление о норме*, переживание нормы. Конечно, с *психологической* точки зрения степень обязательности нормы измеряется той интенсивностью, с которой представление о ней действует на волю. Но *юридически* норма сохранит свою обязательность и там, где, может быть, на протяжении ста верст нет ни одного человека, который имел бы о ней представление.

Затруднительно говорить в юридическом ряду и об «этической» силе права. Вопрос этот в высокой степени важен с точки зрения психолога, социолога, политика и моралиста, но юридическое рассмотрение будет стремиться к отчетливому, по возможности, граненому отграничению понятия правовой *нормы* от понятия нравственной *нормы*, сознавая, что и нравственность, поскольку он ее касается, трактуется им не как психическая сила, а как норма морали.

Отсюда вытекает еще, что понятие «действующего права» будет иметь для юриста не то же значение, как для правоведа-психолога, социолога и отчасти политика. Последние признают право действующим лишь тогда, если оно вошло в сознание людей или прошло через процесс применения. Для них важна не юридическая обязательность права, т. е. не формальный момент компетентного санкционирования и публикации, как для юриста, а переход права из состояния, как говорится, «мертвого» в состояние «живое»: «действует» в глазах психолога и социолога то право, которое стало «силой». Юрист не нуждается в этом моменте реализации.

Методологически неправильное сближение рядов, которое мы сейчас имеем в виду, облегчается еще введением между правом и силой некоторых нейтральных и с виду совершенно безобидных терминов, как, напр., «порядок». Мы указывали выше, что понятие порядка есть понятие методологически двуликое. Порядок может обозначать, с одной стороны, тот строй отношений, который устанавливается нормами как должный; с другой стороны, тот строй отношений, который наблюдается как эмпирически-действительный. В первом случае порядок есть термин юридический; во втором случае это есть термин реального ряда. Пользуясь термином «правопорядок», исследователи обыкновенно не указывают, в каком смысле они его употребляют; образуется мост, через который можно всегда легко и незаметно перейти из одного ряда в другой. Поэтому те определения права, которые характеризуют его как порядок, должны быть с юридической точки зрения пересмотрены. Так, Регельсбергер и Колер определяют право как правовой порядок; Гарейс определяет право как порядок мира; Руссель как порядок равновесия и т. д.

К таким же терминам относятся понятия «правового свойства» и «правового отношения». В самом широком и неопределенном смысле «свойством» можно называть все, что в том или ином смысле и понимании приписывается чему-то другому; и вот именно это широкое значение термина, оправдывающее его употребление в логическом рассмотрении, ока-

зывается одним из путей, ведущих к сближению и смешению методологических рядов. Ибо в более узком, строгом и определенном значении «свойством» можно назвать лишь то, что приписывается (или соотв. присуще, принадлежит) чему-то другому *в порядке реальном*; в частности, это может быть реальная потенция или *сила* вещи. Поэтому, рассматривая право в юридическом ряду, мы должны говорить о *признаках* права; рассматривая же его в одном из реальных рядов, мы будем говорить о его *свойствах*. Так, «принуждение» в указанном выше смысле может быть *признаком* права и *свойством* права, в зависимости от того, говорит ли юрист или социолог. Мы увидим, как понятие свойства разлагается методологически в другом сочетании.

Точно так же понятие «правоотношения» имеет различные методологические уклоны. В самом широком и общем смысле об «отношении» можно говорить и в естествознании, и в юриспруденции, и в логике. Но с точки зрения юридической методологии в высокой степени важном, говоря об «отношении», разъяснять, имеется ли в виду конкретное, единичное отношение, которое мыслится как «реальное» (мы отвлекаемся условно от критической точки зрения, согласно которой отношение есть всегда категория) или общее родовое *понятие отношения*. Необходимо далее пояснять, к какому порядку принадлежит это «отношение», к порядку действительному, индуктивно констатируемому или к порядку нормативному, должному, предписываемому. Тогда в логическом рассмотрении отношение будет всегда понятием, для реального рассмотрения методологически индифферентным; в нормативном рассмотрении оно получит значение формулы должного; в реальных же рядах оно будет мыслиться или реальным, конкретным, единичным отношением, или же понятием, дающим тип, отвлеченную схему для того, что *реально* совершается. И только в реальных рядах «отношение» явится не индифферентным для категории силы. На все это мы можем указать здесь только мимоходом; систематическая разработка этих различий потребовала бы неминуемо их применения к материалу правоведения.

Из других выводов мы остановимся еще только на понятии «объяснения» в правоведении и на идее «догмы права».

Нередко установление той или иной *юридической конструкции* обозначают термином «объяснения»; этим же термином называют и установление тех или иных *связей между явлениями правовой жизни*. Эта терминологическая неразличенность является показателем гораздо более существенных *логических* смешений. Именно необходимо всегда иметь в виду, что «юридическая» конструкция, в строгом и определенном смысле этого слова, отправляется от анализа правовых норм как суждений, а не от анализа правовых явлений; поэтому, двигаясь в ряду, чуждом реальности, она *не дает* и *не может* дать чего-либо для познания того, что реально; юридическая конструкция, если только мы хотим быть методологически ясны и последовательны, не стремится и не должна стремиться к «объяснению» правовых явлений: задачей ее является «осмысливание» (т. е. логический анализ и систематизирующая переработка правовых норм как норм и как суждений), и юридическое понятие, построенное таким образом, *не объясняет ничего* в реальной общественной жизни; ибо оно отвлечено от суждений, формулирующих *не сущее*, а *должное*. А содержание норм может очень резко расходиться с чертами «воплотивших» эти нормы общественных явлений. Итак, следовало бы отнести термин «объяснения» исключительно в реальные ряды; там «объяснить» – значит подвести познаваемое конкретное под познанное уже абстрактное, неизвестное реальное – под известное, отвлеченное от реального; или же установить генетическую связь между двумя конкретными моментами реального ряда. Задачу же юридического рассмотрения следует формулировать не как «объяснение», а как «логическое осмысливание». При таком разграничении обнаружится с особенной ясностью, что категориям силы есть место только в «объясняющих», но отнюдь не в «осмысливающих» рядах.

Наконец, из всего сказанного вытекает с очевидностью, что идея и задача «догмы права» получит с занятой нами точки зрения новую постановку. Исторически догма, как особый способ рассмотрения права, вырастала под влиянием практических потребностей; это была совокупность приемов, облегчавшая юристу-практику, применявшему право, дело ориентирования в применяемом материале правовых норм. Дух римской догмы, слагающийся в формулу, не «познать, чтобы знать», а «познать, чтобы применить», переносил центр тяжести с теоретического момента разработки правовых норм на практический, и в таком виде его влияние сохранилось и до наших дней и до сих пор мешает юриспруденции стать самостоятельной наукой, т. е. *теорией* во всем значении этого слова. С нашей точки зрения, такое положение догмы должно замениться другим, чисто теоретическим. Подобно тому, как история естествознания знает постепенную эмансипацию теорий от руководящего и определяющего влияния практики, так и в юриспруденции давно пора признать, что практические потребности суда и политической жизни могут служить самое большее толчком, поводом для пробуждения самостоятельного теоретического интереса к правовым нормам и их содержанию. В идее «юриспруденции» теория должна дифференцироваться от практики, и по существу это выразится в признании допустимости включения в «юридические» понятия и конструкции признаков, добытых из анализа правовых норм, независимо от того, нашли эти признаки практическое применение и реальное осуществление или нет, или, может быть, перестали его находить в результате исторического развития. С этой точки зрения догматическая разработка норм французской конституции 1793 г., не нашедшей себе применения, так же интересна и необходима в научном отношении, как юридический анализ норм «отжившего» римского права или разработка нового русского уголовного уложения в период между его утверждением и «приведением в действие».

Но этот «практический» дух старой и современной догматики имеет другие, гораздо более глубокие и опасные последствия, так как ведет к сближению различных по существу методологических рядов. Именно в процессе применения правовая норма проходит обыкновенно через интерпретацию, т. е. через ряд мысленных операций, вызываемых несоответствием или неполным соответствием между признаками отношения *in abstracto*,²¹ провиденциально указанных в правовой норме, и существенными чертами «конкретного» отношения, имеющего получить свою правовую форму от интерпретируемой нормы. Эти операции должны разъяснить внутренний смысл нормы так, чтобы сблизить данный в ней абстрактный тип с конкретным отношением и через это приспособление создать возможность придания конкретному отношению того вида и тех последствий, которые указаны в норме. В результате интерпретации правовая норма, как говорят, «приближается к действительной жизни» и как бы воспринимает в себя известные черты действительности; интерпретированная норма и образует тот средний ряд между «нормой» и «действительностью», который вводит многих юристов в соблазн, давая им повод видеть в ней обобщение жизненных фактов, как бы позитивный социологический закон. Отвлекаясь от целого ряда веских возражений, которые должен привести социолог с своей точки зрения против такого понимания, мы укажем, что для юриста неприемлема склонность догматики не различать анализа нормы от анализа интерпретированной нормы и тем более забывать о нормативном значении всякой правовой нормы, как таковой. Здесь необходимо последовательно провести те методологические линии, о которых мы говорили выше, если только мы хотим избежать таких сложных и слитных мысленных образований, какое представляет из себя в современной юриспруденции понятие «правового института». Так, напр., под «институтом собственности» можно разуметь: 1. совокупность родовых и видовых понятий о собственности, *отвлеченных от норм* известного кодекса; 2. совокупность таких же *понятий*, отвлеченных от *интерпрети-*

²¹ Отвлеченно, в абстракции (*лат.*).

рованных норм того же кодекса;²² 3. совокупность *норм*, регулирующих отношения собственности; 4. совокупность тех же *норм*, того же кодекса, но прошедших через процесс интерпретации; 5. совокупность *понятий*, отвлеченных от *реальных общественных процессов* и состояний, именуемых «отношениями собственности»; 6. совокупность этих *конкретных общественных отношений*, именуемых «отношениями собственности». Было бы в высшей степени интересно обнаружить, как у отдельных писателей срачиваются все или некоторые из этих значений «правового института».²³ И именно для нашей основной проблемы о соотношении права и силы здесь дается ряд самых существенных указаний. Четыре первые значения «правового института» лежат в ряду, чуждом реальности и, след., категориям силы; два последние лежат в реальном ряду. Догматик, забывающий об этом различии, срачивает в своей работе отдельные ряды правоправедения и незаметно вводит категории силы туда, где для них нет места. Напротив того, догматик, который будет поддерживать эти разграничения, получит возможность создать самостоятельную «юридическую» теорию, подойти к праву с той логической стороны его, которую с такой силой почувствовали и формулировали в различных уклонах и пониманиях Иеринг,²⁴ Лабанд²⁵ и Муромцев.²⁶

Так складывается решение нашей основной проблемы в пределах объективного права.

²² Мы не даем при этом развитого систематического анализа понятия «интерпретации» и выяснения тех технических затруднений, которые связаны с привлечением в догму интерпретированного состава правовых норм.

²³ См., напр., у Иеринга: *Geist des römischen Rechts. I Theil*, p. 25–27, 30–31, 34–35.

²⁴ *Ihering. Ibid.*, p. 25–32.

²⁵ *Laband P. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. B. I*, p. VII–X.

²⁶ С. Муромцев. Что такое догма права? Нем. пер. *Was heist Rechts-Dogmatik*. Prag., 1885.

Глава VI

Нам остается теперь коснуться вопроса о возможности и допустимости сближения понятия силы с понятием права *в субъективном смысле*. Как бы мы ни определяли понятие права в субъективном смысле, в чем бы ни видели его сущность, мы всегда должны будем признать, что право в субъективном смысле предполагает право в объективном смысле и притом в двояком отношении. Во-первых, в порядке юридического обоснования, во-вторых, в порядке логического определения. Остановимся ли мы на моменте полномочия или на моменте обязанности, мы всегда признаем, что и полномочие и обязанность получают и только и могут получить *правовой* характер исключительно в силу известной связи с правовыми нормами. Так, полномочие только потому есть правовое полномочие, или право, что оно установлено, признано и т. д. в *содержании* правовых норм. Право в субъективном смысле получает свое значение, как таковое, через право в объективном смысле; потому и в логическом порядке признак установленности, выведенности из содержания правовых норм является необходимым членом понятия права в субъективном смысле. Но если это понятие есть одно из тех понятий, которые определяются и строятся через анализ содержания правовых норм, то и к нему относится все то, что мы установили в методологическом отношении для всех юридических понятий; мы могли бы прямо сослаться на это и считать вопрос поконченным. Однако известные особенности этого понятия вызвали исторически и вызывают нередко и ныне ряд специфических затруднений, на которых следует несколько остановиться.

Под правом в субъективном смысле с юридической точки зрения мы разумеем *полномочие, установленное в содержании правовой нормы*. В более широком смысле сюда может быть привлечена в качестве коррелята и всякая обязанность, установленная в содержании правовых норм, хотя *терминологически* идея обязанности не покрывается представлением о праве в субъективном смысле. При этом полномочием, с нашей точки зрения, будет называться всякое *разрешение* или *предоставление*, содержащееся в норме, а обязанностью – установленное нормами и *определенное по субъекту должностное*, будь оно положительное или отрицательное по смыслу. Как разрешение, так и определенное по субъекту должностное должны быть выражены в суждении и закреплены в словах, причем это суждение может содержаться в самом тексте правовой нормы или выводиться из него в порядке логическом. Отсюда открывается возможность построить для права в субъективном смысле ту же, по существу, схему методологических рядов, какую мы построили выше для права в объективном смысле. Так, в логическом ряду право в субъективном смысле будет рассматриваться как понятие и суждение; в нормативном ряду – как полномочие и обязанность; в психологическом ряду – как индивидуальное переживание полномочия и обязанности; в социологическом – как переживание полномочия и обязанности, введенное в ряд психических взаимодействий, и т. д. И выводы применительно к вопросу о силе будут аналогичны: право в субъективном смысле может рассматриваться как сила, т. е. как способность (в качестве момента реального ряда) причинно определять другие моменты того же ряда; и наоборот, оно может рассматриваться в отвлечении от реального ряда и категорий силы. Последовательное разграничение рядов реальных и ирреальных является и здесь необходимым условием для избежания недоразумений.

Поэтому те определения права в субъективном смысле, которые включают в себя категорию силы в том или ином виде, явно или скрыто, не могут быть признаны юридическими в тесном смысле слова. Точно так же те определения других понятий в правоведении, которые сливают свойства права в субъективном смысле, взятые из реальных рядов, с признаками

его, взятыми из рядов нереальных, требуют пересмотра и не могут быть признаны выдержанными в методологическом отношении.

Здесь нужно в первую очередь упомянуть о тех случаях, когда право в субъективном смысле определяется через понятие *власти* и признается видовым понятием, подчиненным этому последнему. В понятии власти скрывается несомненная методологическая двуликость. Под властью в правоведении мыслится нечто причастное, с одной стороны – правовому полномочию, с другой стороны – силе. Конечно, власть может и не иметь правовой санкции, но именно постольку она не будет категорией правоведения. Власть есть сила, санкционированная правом; это как бы объективировавшаяся и застывшая правовая сила *par excellence*.²⁷ И вот именно это пограничное положение понятия власти делает его причастным двум различным методологическим рядам – юридическому и реальному. Поэтому с той точки зрения, которую мы пытаемся провести, понятие власти должно быть разложено на две составные части и каждая часть должна быть отнесена в соответствующий ряд: тогда юрист будет говорить о власти – в нормативном ряду как о *полномочии на властвование*, а с логической точки зрения – изучать это полномочие на властвование как суждение, и как понятие, выводимое из суждения или суждений; а психолог, социолог и политик будут разумеать под властью *силу, санкционированную правовыми нормами*. Вот почему, напр., те определения *государства*, которые приписывают ему не полномочие на властвование, а *власть*, а также те определения понятия *суверенитета*, которые конструируют его как реальное свойство, или как нечто делимое, или как известный вид *власти*, должны быть критически пересмотрены в методологическом отношении, ибо они вводят в ирреальный ряд реальную категорию силы.

Отсюда ясно далее, с какой осторожностью нужно пользоваться термином «*свойства*» в применении к праву в субъективном смысле. Подобно тому, как власть в юридическом ряду есть не «свойство» государства, а полномочие, подобно этому в том же ряду «право» не есть «свойство» субъекта; правовой статус лица состоит, с точки зрения юридической, в совокупности разрешений, предоставлений (долженствований и запрещений), выведенных из правовых норм «применительно»²⁸ к специально данной комбинации родовых свойств, казуально встретившейся юристу. *Свойства* лица должны быть (конкретно или отвлеченно) даны юристу для этой дедукции, чтобы он мог вывести его *полномочия*; полномочия же эти в юридическом ряду не должны рассматриваться как свойства. *Сознание полномочия* может, конечно, рассматриваться как свойство, но уже – не *лица* в юридическом смысле, а *человека*.

Точно так же для юриста неприемлемо определение права в субъективном смысле как «*защищенного интереса*» или как предоставленного правовыми нормами «*господства воли*». И то, и другое определение вводят право в психологический ряд, ибо «защищенный» интерес не перестает быть интересом, т. е. *переживанием* человека, и «господство воли», хотя и предоставленное правовыми нормами, остается *явлением* внутреннего мира человека (конечно, сопровождающимся внешними проявлениями). И в том, и в другом определении познаваемый предмет берется в методологически не расчлененном виде. С нашей же точки зрения, *юриста* будет интересовать момент «защищенности» и «предоставленности», а психолога-правоведа – момент интереса и воли в меру их признанности правом.

Ясно далее, что пользование категориями «*возможности*» и «*свободы*» при определении понятия субъективного права должно сопровождаться известными, предписываемыми методологической осторожностью, разъяснениями и оговорками. Именно если рассматривать полномочие как особый вид «возможности», то в высокой степени важно знать, разумеется ли при этом «возможность» юридического характера, или фактического, реального.

²⁷ По преимуществу (*лат.*).

²⁸ См. примеч. на с. 26.

Юридически возможно то, что допускается нормами права, причем эта возможность не зависит от *реальной* осуществимости или неосуществимости допущенного. Фактически же возможность лежит, в свою очередь, вне пределов нормативных определений и выражается в известном, благоприятствующем осуществлению чего-нибудь, сочетании элементов психического или физического ряда. Следовательно, когда юрист говорит о возможности, то он должен разуметь правовую *разрешенность*, *предоставленность*; когда же о возможности говорит правовед-психолог, социолог или политик, то он должен разуметь *эмпирическую реализуемость*. История философии права знает целый ряд классических примеров того, что право в субъективном смысле сближалось с понятием силы и, след., переводилось в реальный ряд именно вследствие упущения этого различия. Так, у Гоббса²⁹ идея правового полномочия и представление о силе сливаются в нейтральном термине «*potentia*»,³⁰ носящем реальный эмпирический характер. Так, у Спинозы идея правового полномочия совершенно растворяется в понятии о силе, присущей каждой природной вещи; эта «*potentia rei naturalis*»,³¹ ³² есть не что иное, как «*ipsissima Dei potentia*»³³ и носит определенно выраженный метафизический характер. Так, наконец, право в субъективном смысле сближается с силой у Галлера и поглощается утонченной концепцией силы – представлением о личных способностях, об индивидуальной потенции человека во всем ее своеобразии – в учении Штирнера. В истории правоведения сущность права долго усматривали именно в его субъективном уклоне, и это делает возможным значительно увеличить число указанных примеров; тем существеннее оказывается поддержание установленного различия.

Аналогичному анализу может быть подвергнуто понятие «*свободы*» в его применении к праву в субъективном смысле. Юристу в высокой степени важно дать себе ясный отчет в том, что в ряду его рассмотрения это понятие должно быть чуждо реалистическому пониманию – будь то в метафизическом или эмпиристическом смысле. Юрист понимает «свободу» не как абсолютное изъятие от *всякой* определенности, или от действия *эмпирических* законов *вообще*, или от действия *известных только* эмпирических законов, а как разрешенность, установленную в правовых нормах, и «*сфера свободы*» означает в его устах *элемент полномочий в правовом статусе субъекта*. Точно так же «*связанность*» в устах юриста не должна иметь фактического оттенка: субъект может иметь много юридических «связанностей» в своем статусе и быть фактически не «связанным» «обстоятельствами». Методологическое значение этого различия обнаруживается с особенной наглядностью в сфере уголовного права; последнее целиком покоится на признании постоянного расхождения «связанности» юридической и «связанности» фактической, порождающего как раз необходимость «уголовной» реакции. «Свобода» и «связанность» в глазах юриста лежат за пределами реального ряда, за пределами досягаемости для категории силы.

²⁹ См., напр., De Cive. Cap. XIII, § 2 и др.

³⁰ Сила (лат.).

³¹ * Сила природной вещи (лат.).

³² См. Tractatus Politicus. Cap. II, § 3 и др.

³³ ** Господня (Божия) сила (лат.).

Глава VII

На этом мы можем закончить предпринятый нами опыт методологического анализа понятий права и силы. Мы пришли к выводу, что обычный вопрос: «право – *есть* сила или *не есть* сила?» должен быть для решения изменен в самой своей *постановке*. Нельзя сказать, «право *есть* сила» или «право *не есть* сила», т. к. оба ответа можно понять в смысле *реального* совпадения или несовпадения обоих моментов. Именно *методологический* подход к проблеме развертывает ее во всем ее значении и указывает путь к ее решению. А этот подход ставит вопрос уже иначе: «*может ли право рассматриваться* как сила и *не может ли оно рассматриваться* как недопускающее сближения с силой?» Ответить на вопрос, поставленный так, значит, по нашему убеждению, развернуть применительно к нему учение о методе в правоведении, мало того, значит коснуться в методологическом анализе *всех* областей *правоведения*, как такового, и попытаться вскрыть в них возможные и состоявшиеся сближения этих понятий с точки зрения их методологической допустимости и недопустимости.

Произведенный нами опыт такого анализа является, к сожалению, в силу известных внешних условий сжатым и схематичным; он принимает известные определения условно и без развитой научной мотивировки, он обходит многие, уводящие в сторону, пути и ответвления, на многое лишь намекая и многого недоговаривая. Он предполагает, конечно, далее, что общее правило, по которому всякое отвлеченное методологическое исследование может считаться оправданным вполне лишь после ряда опытов примененной разработки его основных выводов, – распространяется и на него. Но он покоится в то же время на допущении, что первым звеном научного изучения может явиться и *отвлеченное* исследование о предпосылках и путях познания, тем более, если это исследование имеет возможность указать на прошлый и настоящий опыт науки как вынашивавший и вынашивающий сродные методологические тенденции.

С исповедуемой нами точки зрения методологического плюрализма не может быть никакого сомнения в том, что все заподозренные нами и разложенные категории вращаются вокруг сущности права, взятого во всем его целом, во всей его сложности. Категории «воли», «интереса», «принуждения», «общественной санкции», «обязательности», «действия», «порядка», «свойства», «отношения», «власти», «возможности», «свободы», «связанности» и др. должны войти и войдут в общий и всесторонний познавательный анализ права. Но каждая из них должна отыскать себе соответствующий ее сущности методологический ряд и не вторгаться в ряды, методологически ей чуждые; те же из них, которые могут быть причастны разным рядам, должны предварительно пройти через процесс аналитического разложения и по возможности получить дифференцированные *наименования*. Научное познание есть всегда познание *определенного* предмета или, если угодно, определенной, условно отвлеченной, стороны предмета, и вопрос о большей тщательности и чистоте такого обособления сторон, различных по своей логической сущности, есть несомненно вопрос о большей продуктивности и всесторонности научного познания.

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

§ 1. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНОВЕДЕНИИ

Когда человек стремится к знанию, то он часто не дает себе отчета в том, что значит «знать». А между тем без этого он не может удовлетворить своего стремления и нередко блуждает в темноте.

Знать – значит, прежде всего, *представлять себе* что-нибудь. Тот, кто *ничего* себе не представляет, тот и не знает ничего; это мы выражаем словами: «он не имеет никакого представления». Однако не всякое представление может быть названо знанием. «Какие-нибудь» представления имеются у каждого человека: с утра до вечера наша душа занята чем-нибудь; она представляет себе то одно, то другое, останавливаясь на многом, – то по очереди, то сразу, то внимательно, то небрежно. Наши представления бывают при этом нередко смутными и неопределенными. В противоположность этому *знающий* имеет представления *ясные и определенные*. Это означает, что знание всегда говорит об *определенном предмете*. Нельзя знать сразу обо всем; тот, кто хочет знать, тот должен согласиться на разделение и ограничение. Поэтому каждая наука как совокупность знаний имеет дело с каким-нибудь *определенным предметом*. Об этом едином, определенном предмете наука дает нам представления *отчетливые*. Смутные, сбивчивые представления не имеют цены в науке; кто представляет себе что-нибудь смутно, тот не может ни *понять*, ни *запомнить*. Понять значит «принять в душу» и овладеть мыслью, а для того, чтобы сознание овладело предметом, оно должно представить себе его с самою большою ясностью. Знающий *владеет* своим предметом и может всегда в нужный момент вызвать в душе отчетливое представление, воспроизвести его и *выразить его в словах*.

Итак, «знать» значит *ясно и отчетливо представлять себе что-нибудь определенное* или, что то же, *понимать и помнить*.

Однако понять и запомнить можно *верное*, но можно и ошибочное. Тот, кто усвоил что-нибудь неверное, тот не обладает истинным знанием. Вопрос о том, *что есть истина*, решается, вообще говоря, в научных исследованиях; там собираются и излагаются те основания и соображения, в силу которых одно следует признать истинным, а другое ложным. Эти основания называются *доказательствами*. Каждое научное исследование стремится установить при помощи доказательств верное или истинное знание о своем предмете, будь то о фигурах в пространстве (геометрия), или о движении тел (механика), или о жизни существ (биология), или же о сущности добра и зла (этика). *Наука есть совокупность доказанных истин или истинных знаний об определенном предмете*.

То, что добыто научными исследованиями в известной отрасли знания, может быть изложено *отдельно* от научных доказательств; такое изложение, дающее *готовые итоги* и не входящее в рассмотрение доказательств, останавливается обыкновенно только на самых важных вопросах; оно сообщает наиболее существенные, *основные сведения* в *общедоступной* форме. Такое изложение научных итогов придает науке подготовительный, или *пропедевтический*, характер. Именно такой характер имеет *Законоведение*: оно излагает вкратце зрелые итоги, добытые в науках, изучающих сущность *права и законов*. В этом основное отличие законоведения от других юридических наук. Законоведение есть наука *несамостоятельная и общая*. Оно *несамостоятельно* потому, что само *не исследует предмета*, но подводит краткие итоги другим, самостоятельным наукам о праве. Оно имеет *общий* характер потому, что излагает основные выводы многих, главных юридических наук, останавливаясь на том, что важно для всякого юриста, и опуская то, что имеет более специальный интерес.

Таков характер законоведения как особой отрасли научного знания (по-славянски «ведения»). Законоведение, как подготовительная, или пропедевтическая, наука, имеет определенный предмет: именно, оно содержит основные сведения о тех обязательных правилах поведения (*нормах*), которые устанавливаются уполномоченными и потому авторитетными людьми; общественная жизнь подчиняется этим правилам (*правовым нормам*) и превращается через это в мирную, упорядоченную и организованную жизнь; люди объединяются в *государственный союз* и работают сообща над усовершенствованием своей внешней и внутренней жизни.

Первые сведения об этих правилах и об этом порядке дает *общее учение о праве и государстве*.

§ 2. ПОНЯТИЕ О ЗАКОНЕ И НОРМЕ

Чем бы ни интересовался человек и чем бы он ни занимался, ему всегда приходится иметь дело с *множеством* разнообразных вещей или предметов. В небе он видит множество светил – неподвижных звезд и планет; на земле – множество растений и животных; он окружен множеством людей и даже в душе своей замечает много различных представлений, чувств, желаний и помыслов. Числа в арифметике, фигуры и части фигур в геометрии, молекулы и атомы вещества в физике – все это образует огромное множество единиц или *элементов*, перед которым человек может и растеряться. Однако он скоро замечает, что все эти элементы стоят друг с другом в некоторых *отношениях*, которые или всегда остаются *неизменными*, или же от времени до времени *повторяются*. Так, например, отношения чисел или геометрических фигур остаются *всегда одинаковыми*; расположение планет в небе или связь представлений в душе человека – *повторяются* от времени до времени. Заметив это, человек направляет все свое внимание на то, чтобы подметить как можно больше таких устойчивых или повторяющихся отношений, которые могут быть названы *постоянными связями*. Он замечает при этом, что как самые элементы, так и связи их имеют в разных областях различный характер. Так, например, *математика* изучает преимущественно связи между *величинами* и *количествами*, и связи эти состоят в том, что один элемент *всегда больше* другого, или *всегда меньше* другого, или *всегда равен* другому; *естественные науки* исследуют преимущественно *причинные связи* между *вещами* (их изменениями и движениями) или *явлениями* природы, и связи эти состоят в том, что появление одного элемента (напр., огня) *всегда влечет за собою* появление другого элемента (напр., теплоты) и т. д. При всем разнообразии этих элементов и отношений, среди них есть постоянные связи; то, что казалось на первый взгляд беспорядком или даже хаосом, скрывает в себе, очевидно, какой-то *постоянный и необходимый порядок*. Все науки пытаются уловить этот порядок, формулировать его в виде суждений и выразить в словах. Напр.: «сумма всех углов треугольника всегда равна двум прямым»; «угол падения всегда равен углу отражения»; «растения поглощают углекислоту и освобождают кислород» и т. п. *Суждения, которые утверждают какой-нибудь постоянный и необходимый порядок, называются законами*.

Понятно, что всякая наука имеет дело с законами. Однако необходимо точно отличать *законы бытия* и *законы долженствования*. Правовые законы, изучаемые в законоведении, относятся именно к числу последних.

Законы бытия говорят о том, что в действительности есть известный порядок. Этот порядок существует или обстоит *на самом деле*; плох он или хорош, полезен людям или вреден, прост или сложен – он имеется налицо. Таковы не только законы математики, но и *законы природы*. Закон природы говорит о том, что существует в действительности или, точнее – что *всегда* и необходимо совершается, например, среди атомов, или среди минералов, или в мире планет, или в царстве растений и животных. *Законы бытия говорят о постоянных связях, существующих в действительности*.

Напротив, *законы долженствования* говорят о тех связях или отношениях, которые *должны* осуществляться людьми в их жизни и деятельности. Эти законы суть *правила*, которые людям *следует* соблюдать. Каждый раз, как живой человек действует или совершает известный поступок, он может делать свое дело *лучше* и *хуже*. При этом, если он живет сознательной жизнью, он имеет возможность обдумывать свой образ действий, выбирать *лучший* путь и решать в его пользу. Во всех этих случаях человек имеет перед собою известные *правила*, которые указывают ему искомый *лучший* жизненный путь. Эти правила говорят не о том, что существует на самом деле; но о том, как *следует* людям жить, действовать и поступать. Эти правила могут быть названы законами потому, что они указывают *посто-*

янный и необходимый порядок, который людям *надлежит* осуществлять в их деятельности. Понятно, что «постоянство» этого порядка состоит не в том, что «так всегда бывает»: люди могут соблюдать правила, но могут и не соблюдать их, и в действительности они часто их не соблюдают. «Постоянство» означает здесь, что люди *всегда должны* действовать так, а не иначе и что они будут *неправы* каждый раз, как только нарушат эти правила. Точно так же «необходимость» этого порядка состоит не в том, что «иначе не может быть»; но в том, что соблюдение этих законов есть *единственный* путь, при котором люди будут правы. Тот, кто поступает согласно *закону долженствования*, тот не может быть неправ – вот смысл этой «необходимости». Такие *законы правильного, надлежащего поведения* мы будем называть *нормами*.

Итак, *норма есть суждение, устанавливающее известный порядок как должный*, или еще проще: это есть *выраженное в словах правило лучшего*; напр., «не убий», «отдавайте кесарево кесарю, а Божие – Богу»; «не допускай в суждениях своих противоречия»; «никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком»;³⁴ «родители обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание...»;³⁵ «выборы членов парламента должны быть свободны»³⁶ и т. п. Это означает, что в каждой норме, к кому бы она ни относилась и кем бы она ни была установлена, имеется в виду некоторый *лучший* порядок действий; этот «лучший» порядок и устанавливается как обязательный. *Каждая норма* предполагает, что некоторое *разумное существо* рассмотрело различные способы жить и действовать; признало, что одни из этих способов *лучше*, а другие *хуже*; выбрало именно *лучшие* способы и постановило, что *люди должны* соблюдать и осуществлять именно их. Этот порядок жизни, признанный лучшим, признается лучшим не только для какого-нибудь отдельного, единичного человека, но для *всех* людей или во всяком случае для *многих* людей, обладающих особыми предусмотренными свойствами, напр., для ученых, для рабочих, для правительственных чиновников и т. д. Во всяком случае норма всегда имеет характер *общий*, т. е. она предписывает *одно и то же* для *всех одинаковых* случаев. Само собою разумеется, что то, что относится ко *всем*, относится и к *отдельному человеку*; поэтому из каждой нормы можно вывести правило поведения и для отдельных людей, и в частности, предписание для их единичных поступков. Такие предписания, относящиеся к единичным случаям, следует называть уже не нормами, а *императивами*.

Понятно, что норма может относиться только к *разумно-действующим* существам, т. е. к людям. Неодушевленные вещи не действуют и потому не могут иметь правил поведения; что же касается животных, то приказы, с которыми человек к ним нередко обращается, не могут быть даже названы «императивами», потому что каждый императив рассчитан на *разумное и сознательное усвоение* со стороны *повинующегося*; как норма, так и императив суть такие правила *лучшего*, которые слагаются разумным, выбирающим и оценивающим существом и обращаются к существу, также способному к оценке, выбору и разумному решению. Научное исследование жизни животных не дало нам до сих пор оснований признать за животными такие способности.

Понятно также, что каждая норма и каждый императив как *правила лучшего* должны предписывать то, что *в самом деле* является лучшим. Человек *должен* соблюдать предписанный порядок именно потому, что он *лучший*. Поэтому прежде, чем устанавливать норму, необходимо иметь *верное и отчетливое* представление о том, что есть лучшее. Тот, кто пытается установить правило *мышления*, должен исследовать, что есть «лучшее» в мышлении, т. е. что такое *истина*; кто ищет правило для *художественного творчества*, тот должен

³⁴ Статья 95 русских Основных Законов.

³⁵ Статья 172 Свода Законов Гражданских.

³⁶ Раздел I, статья 8 английского билля о правах от 13 февраля 1689 г.

решить вопрос о том, что есть лучшее в искусстве, т. е. что такое *красота*; кто стремится установить правило нравственно праведной жизни, тот должен исследовать сущность *добра*; а тот, кто устанавливает правовую норму, предполагает известным, в чем состоит сущность *справедливости*.

Наконец нетрудно понять, что каждая норма сохраняет свое значение в качестве *правила лучшего* даже и в том случае, если кто-нибудь ее нарушает. Несоблюдение правила *не отменяет* его и не может его отменить. Так, если кто-нибудь будет допускать в суждениях своих противоречия, то мышление его станет неверным, но правило о непротиворечивости мышления останется непоколебленным; точно так же, если кто-нибудь возлюбит себя превыше всего, то состояние его души окажется нравственно недобрым, но завет Христа сохранит свою глубокую верность. Убийство нарушает норму «не убий», но не отменяет ее. Таково основное значение всякой нормы.

Однако законоведение изучает далеко не все законы долженствования, но только один вид их: именно, *нормы права*. Правила мышления исследуются в *логике*; правила художественного творчества – в *эстетике* (наука о прекрасном); правила нравственно совершенной жизни – в *этике*. Законоведение исследует основные черты и основное содержание тех норм, которые предписывают людям известное *внешнее поведение в их совместной жизни*. Таковы нормы права.

§ 3. НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЩЕЖИТИЯ

Мыслители самых различных эпох отмечали у человека тяготение к совместной жизни. Самые основные влечения и интересы, начиная от первичных инстинктивно-эгоистических побуждений и кончая утонченными духовными запросами, заставляют человека искать постоянного общения с другими людьми.

Общежитие необходимо человеку потому, что оно может дать и действительно дает ему *элементарную обеспеченность* и *духовную полноту жизни*.

Каждый из нас, взятый сам по себе, в отдельности, является существом ограниченным и беспомощным. С самого момента рождения человек нуждается в помощи других людей и неминуемо погибает, если не находит ее: голод и холод, первые враги человека, полагают быстрый конец его жизни. Принимая эту первоначальную помощь, каждый из нас завязывает тем самым *первые общественные связи* задолго до того, как он начинает сознавать и помнить себя. У каждого из нас есть люди, заботам и вниманию которых мы обязаны своею жизнью в этот долгий и трудный период. В большинстве случаев это – родители, и им принадлежит первая сильная привязанность ребенка. Человеку естественно родиться и воспитываться в *семье*, т. е. среди людей, с которыми он связан кровным родством; это те, от кого он произошел, и те, кто связан с ним одинаковым происхождением (братья и сестры). Задача родителей по отношению к ребенку двоякая: во-первых – избавить его от преждевременной и непосильной *борьбы за существование*, во-вторых – помочь ему взрастить в себе ту *духовную жизнь*, ради которой человеку вообще только и стоит жить на свете.

Возможность существовать дается человеку не даром и не легко, и эта трудность имеет огромное *положительное* значение. Трудно представить себе, до какой низкой ступени опустился бы человек, если бы все, необходимое для его жизни, давалось бы ему без всяких усилий. Уверенность в том, что все потребности будут удовлетворены без всякого труда, вызвала бы в человеке беспечность и пассивность и сделала бы его жертвой *душевной инерции*. Историки не раз обращали внимание на то, что цивилизация и культура медленнее развиваются там, где климат и флора *вполне* обеспечивают человека от голода и холода. Правда, чрезмерно суровые и непосильные условия жизни также неблагоприятны развитию человека, но эта неблагоприятность побеждается человеком позднее, когда он достигает высшей ступени развития. *Необходимость бороться*, чтобы жить, – вот главный двигатель человеческой цивилизации.

Итак, борьба за существование должна быть человеку посильна, для того чтобы он не погиб. При этом «существовать» не значит для человека «прозябать». Современная наука о душе, прилежно изучающая не только сознательную жизнь человека, но и его бессознательные и полусознательные проявления (напр., привычки, суеверия, сновидения, работу воображения, работу памяти, душевные недуги и проч.), свидетельствует о том, что человек не может жить здоровой жизнью без некоторого, определенного по количеству и по степени, запаса *удовлетворений*; задача человека не в том, чтобы искоренить в себе жажду удовольствия и счастья, но в том, чтобы, с одной стороны, *одухотворить* все свои удовольствия, т. е. сделать их духовно значительными радостями, с другой стороны – связать свое счастье со счастьем *всех* людей, т. е. убедиться, что нельзя быть счастливым наряду с несчастьем других и далее действовать согласно этому убеждению. Однако люди до сих пор очень далеки от выполнения этой задачи, и это выражается не только в том, что они легко и быстро удовлетворяются низшими, чувственными удовольствиями, но и в том, что они ищут одинокого, эгоистически ограниченного счастья и, не находя его, наивно удивляются и жалуются. В результате этого эгоистического самочувствия борьба за существование оказывается уже не только борьбою человека *с природой*, ради овладения ее законами и подчинения ее своим

целям, но, помимо этого, еще борьбою человека *с человеком* из-за житейского удовлетворения и благополучия.

И вот, как только человек вырастает и семья перестает ограждать его спокойное развитие, он видит себя вовлеченным в *борьбу за существование*. С одной стороны, он в союзе со всеми людьми борется *с природою*. Все люди заинтересованы в том, чтобы точно изучить живые силы, действующие в природе; это изучение совершается в *опытных (эмпирических) науках*, и каждое открытие ученых в этой среде должно рассматриваться, и в большинстве случаев действительно рассматривается, как достояние всего человеческого рода. *Технические науки* изучают наиболее целесообразные и выгодные способы приложения научных откровений к хозяйственным нуждам людей, а *техническая деятельность* применяет эти способы в борьбе за подчинение природы человеку. В этой борьбе все люди составляют как бы один великий наступательный и оборонительный союз, который с особенной силой и ясностью чувствуется всеми на всемирных научных и технических съездах, а также в эпохи стихийных бедствий – землетрясений, наводнений, неурожая и эпидемических болезней. Такова *естественная* борьба за существование, ведущаяся человеком.

С другой стороны, человек до известной степени противостоит всем остальным *людям* и в этой общей *социальной* борьбе за существование объединяется с отдельными группами людей; задачей этого объединения является *взаимная поддержка* объединившихся.

Здесь наряду с самым тесным союзом, основанным на кровном родстве, – с семьей, – стоят соединения *хозяйственные и культурные*.

Всякая внешняя вещь, могущая послужить для удовлетворения человеческой потребности или непосредственно – тем, что человек будет ею пользоваться, или косвенно – тем, что человек посредством нее подготовит для потребления новые вещи, может быть названа *хозяйственным благом*. Хозяйственная деятельность состоит в том, что человек старается по выработанному заранее плану, при *наименьшей* затрате сил и *наибольшей* успешности труда приспособить вещи внешнего мира к удовлетворению своих потребностей. Эта хозяйственная работа совершается особенно успешно, если занятия распределяются среди людей так, что каждый берет себе какую-нибудь одну специальность, достигая в ней большего умения и большей производительности. Но именно такое разделение труда, осуществляющееся все более в современном обществе, заставляет каждого человека нуждаться в работе других людей. Современный человек чаще всего исполняет какое-нибудь *одно* тесно ограниченное дело, важное или полезное в общем ходе хозяйства, и за то пользуется трудами или произведениями бесчисленного множества, часто даже неизвестных ему, людей. Каждый из нас, чтобы удовлетворить свои потребности, должен «найти себе работу», т. е. взять на себя известное дело, которое другие люди согласились бы признать полезным или нужным; «деньги», которые мы за это получаем, дают нам возможность, путем обмена их на вещи или на услуги других людей, получить все, что нам необходимо. Современный человек стоит, таким образом, в теснейшей хозяйственной зависимости от других людей, а также от той хозяйственной организации, которая сложилась в результате всей предшествующей жизни человечества.

Однако в хозяйственном отношении человек не только *сотрудничает* с другими людьми, но и *вступает* с ними в *борьбу*. Каждый стремится при наименьшей затрате сил получить наибольшее удовлетворение, т. е. работать возможно меньше, а получать за это возможно больше. На этой почве у людей возникает столкновение интересов, причем люди, находящиеся в одинаковом или похожем положении (напр., покупатели, рабочие, торговцы, землевладельцы и т. д.), стремятся объединиться друг с другом для того, чтобы сообща отстоять общий им всем интерес.

Понятно, что одинокому человеку, живущему вне общения, было бы крайне трудно *обеспечить свою жизнь* так, как ее обеспечивает сначала *жизнь в семье*, а потом участие

в хозяйственном сотрудничестве. Человеческое сожителство построено на двух началах: борьбе за существование и взаимопомощи; люди поддерживают друг друга не только в борьбе с природой, но и в борьбе друг с другом, и можно сказать, что жизнь каждого отдельного человека (индивидуума) будет тем более обеспечена его участием в обществе, чем больше взаимная помощь заменит социальную борьбу за существование.

Однако общежитие дает человеку не только *элементарную обеспеченность*, но и *духовную полноту жизни*. С тех пор, как человек начинает сознавать себя, он видит свою внутреннюю ограниченность и неполноту. Он видит вокруг себя людей, которые знают больше, чем он, которые обладают более зрелым умом, или более твердою волею, или более глубоким чувством, или более чуткою совестью, и самолюбие его нередко страдает от этого. Лишь постепенно привыкает он к мысли о том, что общение с такими людьми не только не нежелательно для него, но прямо необходимо: оно необходимо ему потому, что *общение с лучшими* есть одно из основных условий его собственного духовного развития. Человек становится лучше, сравнивая себя не только с идеальным «совершенным» образом человека, о котором говорит Евангелие, но и с теми, кто в действительности достиг в каком-нибудь отношении – высшей ступени. *Сравнение* себя с ними, беспристрастный *самоанализ* и *подражание* лучшему – вот верный путь прогрессивного развития. Таким образом человек может развить и улучшить свои познания, свои умения и свои душевные силы.

Но и за этими пределами остается много такого, к чему человек не может найти доступ самостоятельно, и людям всю жизнь приходится довольствоваться преимущественным развитием в себе какой-нибудь *одной* душевной способности. А между тем душа человека ищет нередко самых различных духовных удовлетворений и требует *разностороннего* духовного развития. И вот каждый из нас стремится найти для каждого своего духовного запроса подходящий круг людей, общение с которым могло бы дать ему искомое удовлетворение. И здесь, как всюду, *общие цели* объединяют людей и заставляют их признать, что недоступное одинокому человеку доступно тому, кто объединяется с другими на началах взаимопомощи. При этом, объединяясь, человек не только ищет и находит удовлетворение своим узким, эгоистическим интересам, но и открывает, что *самый процесс* объединения с другими людьми дает ему новую полноту жизни. Человек научается ценить общежитие не только как *средство*, необходимое для жизни, но как путь, ведущий к *прекрасной* и *достойной* жизни, и, наконец, как самостоятельную *ценность*. Общество людей прочно и сильно только взаимною поддержкою всех, общою «круговою порукою» (солидарностью); постепенно эта связь и взаимная поддержка, в которой один борется за всех и все защищают одного, скрепляет людей более глубоким образом, – взаимным влечением и взаимною *любовью*; развитие, углубление и одухотворение этой связи и этого чувства является высшей задачей, *идеалом* совместной жизни людей.

§ 4. ФОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ

После всего сказанного нетрудно понять, каковы основные формы человеческого общежития.

Для того, чтобы состоялось общение, люди должны иметь возможность воспринимать друг друга: слышать живое слово или, по крайней мере, прочитать его в записи, видеть друг друга и т. д. Почта, телеграф и телефон могут нередко заменить непосредственное свидание, а в отдельных случаях даже завязать между людьми новое сношение. Но устойчивое, длительное и продуктивное общение предполагает возможность непосредственного, частого и легкого взаимного восприятия. Поэтому можно сказать, что все основные формы общежития возникают среди людей, живущих приблизительно *в одно время и в одном месте*. Правда, человеку, с одной стороны, свойственно делать многое для своих будущих или возможных *потомков*; с другой стороны, среди первобытных народов распространено религиозное почитание *предков*, которые остаются неизвестными позднейшим поколениям. Однако такое *одностороннее* проявление общественного чувства не создает ни общения (оно предполагает *взаимность*), ни общежития (оно предполагает более или менее *длительное сосуществование*). Всякое общежитие состоит прежде всего в том, что люди *вместе живут и вместе действуют*. Согласно этому, основные формы общежития определяются тем, *что именно связывает людей воедино*. Обычно бывает так, что различные связи и скрепы совмещаются и одна из них вызывает к жизни другую.

По самому *происхождению* своему люди связываются кровным родством в *семью*. Самым простым и типичным составом семьи может считаться *троичный* состав: отец, мать и ребенок. Однако в действительности этот простейший состав обыкновенно являлся и нередко является и теперь осложненным. Первобытные народы жили не в единобрачии, а в многобрачии. Это, конечно, не нарушало троичного характера *семейной ячейки*, подсказанного самой природою, но приводило к тому, что порядок совместной жизни складывался более запутанно и сложно. Так, у народов, живших охотою, мать, оставаясь у очага и поддерживая необходимый минимум оседлой жизни, могла иметь и воспитывать детей от разных мужей; обратное этому у индусов и магометан, допускающих многоженство, семья состоит из одного мужа и нескольких жен, нередко с большим количеством детей. Современная наука полагает, что строгое *единобрачие* сложилось в результате долгого развития человеческих нравов и учреждений.

Тот строй семьи, который с достоверностью отмечен историей, есть строй *патриархальный*, т. е. основанный на власти отца. В далекие времена, когда охота, торговля и войны постоянно и надолго уводили отца семейства от домашнего очага, власть его, понятно, не могла быть велика и власть *матери* создавала и поддерживала строй жизни. Но с переходом к земледелию и оседлому труду, с возникновением городов и оседлой жизни власть сосредоточивается в руках отца. В эту эпоху *браки* совершаются обычно в установленном *религиею* порядке, и отец получает свою власть как бы от божества. Он является *домовладыкой*: вся собственность семьи принадлежит ему; над женою и над детьми он имеет право жизни и смерти; он может временно уступить третьему лицу свою власть над сыном и даже продать его в рабство. Домовладыка является в пределах семьи верховным *жрецом* и *судьею*: он совершает богослужение и разбирает споры между членами семьи.

Дальнейшее развитие семейного строя идет в двух направлениях: во-первых, все более упрочивается порядок единобрачия; во-вторых, власть отца постепенно ограничивается, вновь начинает признаваться некоторая самостоятельность матери и складывается сознание обязанностей родителей по отношению к детям. Вследствие того, что власть отца не прекращалась со вступлением детей в зрелый возраст, каждая семья, естественно, развивалась в целое

гнездо семей, связанных *общим происхождением* от одного предка и следовательно – *кровным родством*. Такая разросшаяся семья образовывала *род*. Род в основном своем составе продолжал единую, совместную жизнь. Он был подчинен единому родоначальнику – патриарху и связан множеством общих интересов и взаимных обязанностей. Род владел землею сообща, под управлением и руководством патриарха; имущество переходило по наследству от родича к родичу; родичи были обязаны помогать друг другу и защищаться сообща от нападений; за убийство родича весь род мстил кровавою местию; род был объединен общим именем, он имел общие религиозные празднества и общее кладбище.

Естественно, что при увеличении рода связь между членами его все более ослабевала и постепенно утрачивалась. Он распадался в свою очередь на несколько самостоятельных родов, отдельные члены которых уже не могли установить свое родство через отдаленного родоначальника. Однако развитие в одном климате, при одинаковых природных условиях, участие предков в совместной жизни и кровное, хотя и отдаленное сродство, – все это оставляло у потомков черты сходства в строении тела и в укладе душевной жизни. *Родовая близость уступала место племенному сходству*; люди оказывались объединенными в *племя*. Единоплеменники не только напоминают друг друга цветом волос, или строением головы и лица, или разговорным диалектом; они часто продолжают жить в одной и той же местности, добывают себе пропитание одинаковым трудом, имеют общую религию, одинаковый семейный строй и сходные обычаи. Мало того, племя нередко сохраняет единство управления и суда, но во главе стоит уже не родоначальник, а старейшина, иногда избираемый племенем, иногда передающий власть по наследству своим детям, часто окруженный советом мудрых и опытных мужей.

Дальнейшее развитие идет обычно сразу по двум путям: внутренняя жизнь племени становится все сложнее и разнообразнее, а внешним образом племя несмотря на свой численный рост достигает постепенно большей объединенности. При этом войны между племенами, переселения и торговые сношения нередко перепутывают племена между собою и нарушают чистоту племенной крови. И когда племена разрастаются в целые *нации*, объединенные в *государства*, то каждая нация оказывается обыкновенно смешением нескольких племен, причем *одно* из племен нередко преобладает в этом смешении.

В историческом развитии кровно-родовое единение людей постепенно уступает свое место единению, основанному на других началах. Правда, семейный союз не только не исчезает, но получает даже особую самостоятельность, освобождаясь от родового быта; но зато род и племя вытесняются *хозяйственными, духовными и правовыми* связями.

Люди, объединенные совместною жизнью в одном роде или племени, легко оказываются в различных хозяйственных положениях: специализация в труде делит людей на опытных и неумелых; размеры личных способностей и удача быстро ведут к *имущественному неравенству*; стремление родителей передать имущество детям упрочивает это неравенство, а жажда наживы обостряет его. Постепенно люди начинают сознавать, что наиболее обеспечен тот, кто владеет *орудиями производства*, т. е. землей, машинами, а потом фабриками и т. д. Так постепенно общество разделяется в зависимости от хозяйственного положения и хозяйственного интереса отдельных людей на *классы*; классы с течением времени начинают сознавать общность своих интересов, объединяются и вступают друг с другом в борьбу. Такова, например, борьба крестьян с крупными землевладельцами или фабричных рабочих с фабрикантами и промышленниками. Некоторые ученые пытались даже изобразить всю историю человечества как борьбу различных классов между собою.

Классы не следует смешивать с *сословиями*. Сословием следует называть группу людей, особое и самостоятельное положение которой в общей жизни и деятельности признается и поддерживается *правовыми нормами*. Это особое положение далеко не всегда состоит в одинаковом *имущественном* богатстве. Люди делятся на сословия иногда

по родовитому происхождению и заслугам предков (напр., потомственные дворяне), иногда по роду занятий (напр., духовенство, купечество, крестьянство), иногда по характеру несомых повинностей (напр., прежнее русское деление на «податные» сословия – крестьяне и мещане, и «неподатные»). Нередко сословия имеют особый суд и особое управление. Иногда деление на сословия оказывается совершенно устаревшим, и тогда отличие сословия от класса становится особенно наглядным.

Наряду с этими широкими делениями совместная жизнь людей непрерывно создает более тесные и специальные группы людей, *свободно и добровольно* объединяющихся для достижения *общих целей*. Эти цели могут быть, например, *хозяйственными* и повести к созданию производительных товариществ, потребительных обществ, обществ взаимного кредита, страховых компаний и т. д. Или же эти цели могут иметь характер *духовный*; тогда возникают, например, различные *ученые* общества или общества, стремящиеся *усовершенствовать жизнь* людей (напр., благотворительные общества, религиозно-нравственные союзы, общества трезвости, кружки для самообразования, издательские группы, спортивные и т. д.). Каждый интерес, присущий нескольким людям, может вызвать к жизни тот или иной союз; а так как каждому человеку присущи самые различные интересы, то нередко бывает так, что один человек участвует в самых различных союзах и обществах. Понятно, что борьба за существование нередко сталкивает интересы отдельных людей и союзов и, может быть, человечество распалось бы на бесконечное множество враждующих между собою ячеек, если бы самые противоположности и столкновения интересов не вызывали к жизни обширные, устойчивые организации людей, именуемые *государствами* (см. §§ 16–18).

§ 5. НЕОБХОДИМОСТЬ ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ

Мы видели, что общественная жизнь людей наполнена столкновениями различных интересов, возникающими в общей борьбе за существование. «Интересом» следует называть отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему *необходимо* или *важно*. Понятно, что *столкновение интересов* возникает в том случае, когда два человека или несколько человек стремятся к тому, что им важно, а добиться нужного может только один. Тогда победа одного означает поражение другого или даже всех остальных, и между людьми возникает отношение «исключения»: победитель *«лишает»* побежденных и как бы *«исключает»* их. Такое соревнование между людьми называется *конкуренцией*. Конкуренции не бывает там, где все могут беспрепятственно пользоваться нужным: воздуха на просторе, воды в реках и в море, света в поле – хватит на всех. Но борьба возникает немедленно, как только воздуха (напр., в маленьких коморках), или воды (напр., в пустыне или при порче водопровода), или света оказывается ограниченное количество. Все, что *обеспечивает* или *облегчает* жизнь человека и чего в данный момент *на всех не хватает* – все это вызывает конкуренцию и обостряет борьбу за существование до такой степени, что люди становятся друг другу врагами. Борьба за обеспеченное и приятное существование достигает иногда большой остроты; подчас может казаться, что общественная жизнь действительно превратилась бы, по меткому слову английского философа Гоббса,³⁷ в «войну всех против всех», если бы не было сдерживающих и организующих общественную жизнь *правил поведения*.

Уже в глубокой древности люди стали понимать, что борьба, доведенная до непримиримости, до такого озлобления, при котором стороны теряют уважение друг к другу и возможность вести переговоры и устанавливать примирение, вредит обеим сторонам. Понимая это, люди пытались находить такие исходы, которые, удовлетворяя более или менее интерес обеих спорящих сторон, давали бы им возможность продолжать и впредь совместную жизнь. Каждая сторона считала притязания противника чрезмерными, и оба спорщика сговаривались обратиться к третьему, возраст, опыт и ум которого могли бы указать *справедливый* исход. Родоначальник или старейшина, разрешая спор, давал каждому известный императив, предписывавший ему его дальнейшее поведение в спорном вопросе. Этот императив указывал каждому, во-первых, то, что он «может», т. е. что ему позволено, на что он «имеет право», во-вторых, то, чего он «не может», т. е. что ему запрещено, на что он «не имеет права», и в-третьих, то, что он «обязан» соблюдать. Решение судьи получало известный вес и оказывало влияние на спорящих; это объяснялось, с одной стороны, их доверием к его *авторитету*, с другой стороны, *справедливостью* того, что он постановил.

Эти две черты являются чрезвычайно важными: трудно представить себе, в какую хаотическую войну всех против всех выродилось бы человеческое общежитие, если бы у людей не было *доверия к авторитету* и *веры в справедливость*. На этих двух началах покоится самая возможность *норм общественного поведения вообще*. Не следует думать, что таким авторитетом для человека может быть только голос другого человека или что всякое чужое требование справедливо. Но правилу поведения всегда присуще значение *необходимого закона*, как было показано выше, и признать это значение может только тот, кто вообще умеет *уважать* что-либо *высшее* и кто ищет верного, т. е. *справедливого* решения человеческих конфликтов.

Возможность найти авторитетный и справедливый императив и примирить спорящих всегда драгоценна: она не только устраивает совместную жизнь людей *на этот раз*, но вселяет в них уверенность, что споры и столкновения *вообще* могут улаживаться мирно и спра-

³⁷ Род. 1588, умер 1679 г.

ведливо. Но так как справедливость остается неизменной и одинаковой для всех, то однажды найденный справедливый императив превращается (постепенно или сразу) в *общее* правило, не только разрешающее *все* подобные споры, но предотвращающее самое возникновение их: каждый заранее может знать и знает, что он «может» и чего «не может», стоит только познакомиться с этим правилом и продумать его.

Понятно, что наличие таких правил делает возможным мирное общежитие. Люди могут вести совместную мирную жизнь лишь в том случае, если каждый осуществляет свои притязания и преследует свои интересы *только до известных пределов*. Эти пределы, разграничивающие сферу деятельности каждого, могли бы, конечно, отыскиваться и устанавливаться каждым для себя и *без* всяких правил, если бы люди были добры и совершенны. Но так как этого на самом деле нет, то правила поведения являются *необходимыми*. Необходимость их признается всеми; правда, одни полагают, что все правила должны быть *записаны*, другие считают более целесообразными *неписанные законы*; одни настаивают на том, что все правила должны быть установлены каким-нибудь *внешним авторитетом*, другие предпочитают *внутренний авторитет совести*; есть мыслители, полагающие, что все правила должны быть основаны на *свободном соглашении людей*; есть и такие, которые думают, что этих правил должно быть *возможно меньше*. Но значение их признается всеми.

Правила, определяющие взаимные отношения между людьми, мы будем называть *социальными нормами*. Социальные (т. е. общественные) нормы необходимы для поддержания мирного сожительства и сотрудничества людей. *Ограничивая* непомерные притязания каждого отдельного человека, они дают возможность *установить* общественный *порядок*, *защитить слабого* от притеснений сильного и приучить людей к обдуманному, выдержанному поведению; повинаясь этим правилам, люди постепенно привыкают не попираť чужих интересов, *считаться с правами и благом ближних* и согласовать свое поведение как с основными задачами человеческого *общежития*, так и с высшей целью человеческой *жизни вообще*. Эти правила приучают человека обуздывать свои страсти и влечения и воспитывают в нем умение жить с людьми согласно, творческою жизнью. Именно поэтому люди давно уже признали в них могучее средство для усовершенствования *личного характера* и *общественного строя*; сознательная и устойчивая привычка подчиняться этим правилам считается не без оснований признаком *духовной зрелости*.

§ 6. ВИДЫ СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ

Человек как живое, самостоятельное существо имеет двойной состав: *душевный* и *телесный*. Каждый из нас живет внутренней, душевной жизнью: мыслит, чувствует, желает, запоминает, воображает, но когда хочет осуществить что-нибудь не в себе, а вовне или сообщить другому о своем внутреннем состоянии, то пользуется своим телом как единственным орудием, допускающим *проявление душевных состояний*. Мы все привыкли к тому, что *изнутри* мы знаем *только о себе*, о всех же других людях знаем и судим *только* по их внешним проявлениям, иногда без ошибки делая по ним заключение о том, что происходит в их душах. Живая речь, слово, выражение лица и жест – вот средства общения, связывающие людей. Наука свидетельствует о том, что в действительности тело и душа человека ведут *единую, связную, органическую жизнь* и не разлучаются, пока человек жив. Поэтому и поведение человека имеет всегда двойной состав – душевно-телесный. При этом бывает так, что жизненный центр тяжести переносится в душу, и тогда тело является второстепенным и подчиненным элементом (напр., при молитве, размышлении), но бывает и так, что главная роль принадлежит телу, и тогда душа следит только за целесообразностью его движений (напр., при ношении тяжести, гимнастике, ходьбе и т. д.). Согласно этому, и *поведение* человека может рассматриваться с двух точек зрения: или так, что *душевное состояние* является главным и важным, причем внешнее поведение оказывается только его естественным внешним выражением; или же так, что главным и важным является известное *внешнее* поведение, а внутреннее настроение подразумевается или оставляется без внимания. Все правила человеческого поведения разделяются в зависимости от этих точек зрения на две большие группы норм: к первой группе относятся все нормы *моральные* и *религиозные*, а ко второй группе – нормы *правовые* и нормы *нравов*. Требования *справедливости* возникают из сочетания тех и других норм и должны рассматриваться отдельно (см. § 9).

Для того, чтобы усвоить различие между этими видами норм, необходимо иметь в виду следующее. Каждая норма предполагает, во-первых, что некоторое *разумное существо* установило известное предписание (см. § 2). Норма, которая «никем» не была установлена – невозможна и нелепа. Всякая норма есть *правило*, сформулированное в *словах*, в виде *логического суждения* и *грамматического предложения*. Поэтому норма всегда существует в виде высказанной мысли. Норма есть *обязательное правило, подуманное* (или придуманное) разумным существом и выраженное в *словах*.

Понятно, далее, что всякая норма устанавливается в известной последовательности: придумать норму может один человек, придать ей окончательную формулу – другой, а сделать ее обязательным правилом не может иногда ни первый, ни второй, а только третий. Таким образом, для всякой нормы характерна, во-вторых, та последовательность или тот *порядок*, в котором она устанавливается.

Этим, однако, не все сказано. Всякая норма (в-третьих) предписывает что-нибудь каким-нибудь *определенным людям*, будь то *все* члены общественного союза (напр., все подданные, все члены клуба), или *некоторые*, обладающие особыми свойствами (напр., совершеннолетние, душевно-здоровые), особым положением (напр., землевладельцы, спичечные фабриканты), особою властью (напр., мировые судьи, губернаторы), или же *одному* члену, имеющему исключительное положение в союзе (напр., римский папа, президент республики, монарх). Норма, которая предписывала бы известное поведение «никому» – нелепа и невозможна, хотя возможны нормы, которые в прямых словах не указывают, к кому они относятся; юристы решают тогда этот вопрос по смыслу.

Далее, в-четвертых, в каждой норме что-то предписывается, именно – известный *порядок человеческих отношений* как верный и должный (см. § 2). При этом «отношение» может

пониматься или как внутреннее настроение души, или как внешнее поведение, или же как то и другое вместе.

Наконец, в-пятых, применительно к каждой норме допустим вопрос о том, имеет ли она *санкцию*, и притом в чем состоит эта санкция. Санкцией называется то *предстоящее последствие*, которое постигает *нарушителя нормы*; это есть, так сказать, угрожающий перст, поддерживающий обязательное значение нормы и указывающий известное *неприятное будущее* для того, кто не будет повиноваться установленному предписанию.

Каждый из указанных видов норм должен быть отличён от других видов с этих пяти точек зрения. Пять вопросов решают здесь дело: *кто* предписывает? *в каком порядке* устанавливается предписание? *кому* предписывается? *что* предписывается (т. е. какой порядок?) и *какова санкция* нормы? В этом порядке мы и поведем рассмотрение. Необходимо только добавить, что не всегда по каждому вопросу возможно указать такое отличие, которое само по себе, взятое отдельно, было бы достаточно для того, чтобы установить характер нормы. Отличие дается только *всеми пятью признаками*, взятыми вместе, и это все время следует иметь в виду, чтобы не запутаться и не утратить необходимую ясность понимания.

§ 7. НОРМЫ РЕЛИГИИ И МОРАЛИ

Мы установили, что нормы религии и морали относятся к одной и той же группе норм. Однако в пределах одной и той же группы могут быть существенные отличия.

Религиею (от *religare* – привязывать, укреплять) называется живой духовный союз человека с Богом; этот союз состоит в том, что Бог *открывает* человеку свою сущность и свою волю (отсюда «откровение»), а человек, вступая в этот союз и пребывая в общении с Божеством, делает *волю Божию* – своею *нормою* и отдает свои силы на ее осуществление. Понятно, что религиозный человек, воспринимая волю Божию в виде правил поведения, видит в *Божестве* – *установителя* этих заповедей. *Порядок* этого установления состоит в том, что человек, признав (по тем или другим признакам) некоторые из своих душевных переживаний *посланными от Бога*, а то, что через них познается – состоявшимся откровением Божественным (уверовав), пытается придать воспринятому форму мысли (учение) и выразить в словах (писание и предание); в христианских исповеданиях верность этого мысленного формулирования и словесного выражения проверялась и утверждалась обычно на собраниях верующих (вселенские соборы). Естественно, что нормы религиозного характера предписывают что-нибудь *только тем*, кто принадлежит к этому исповеданию и, участвуя в церкви (т. е. организованном союзе людей, признавших данное откровение), приемлет ее учение. При этом, по учению большинства религиозных союзов, к исповеданию и церкви могут принадлежать и такие люди, которые *сами, непосредственно не имели откровения*, но веруют, приняв его от других людей, почитаемых за пророческий дар и святость. Таким образом нормы религии основываются иногда на признании авторитетности других людей. То, *что* предписывают эти нормы, является во всех зрелых и развитых религиях известным *внутренним душевным* поведением или *деланием* (молитва к Богу и подчинение своих желаний Его заповедям), причем нередко устанавливается, в каких именно внешних поступках, движениях и словах (обряд) должно выражаться благочестивое настроение души. Иногда люди упускают из вида, что обряд предписывается религией *только* в качестве естественного выражения *действительного* внутреннего отношения души к Божеству, и тогда религиозность вырождается в ханжество и лицемерие. Наконец религиозная норма имеет свою *санкцию*. Нарушитель ее чувствует себя стоящим перед лицом Божия гнева и, может быть, наказания; к этому может присоединиться налагаемое церковной властью покаяние, или эпитимия, или даже исключение из союза верующих.

Нормы морали отличаются от норм религии в некоторых существенных отношениях. В установлении нравственных правил человек является предоставленным *себе и своей совести*. Эти правила основываются на *самостоятельном и свободном убеждении*, которые каждый из нас должен выносить, обдумать и формулировать. Понятно, что такого убеждения никто ни у кого заимствовать не может; даже внешним авторитетом норма морали не может быть установлена, потому что единственным авторитетом здесь является *голос совести*, живущий в глубине *каждой* души. Это значит, что человек, слагая свои нравственные убеждения и устанавливая нормы морали, не может руководиться личной прихотью и произволом, но должен поставить пред своею совестью вопрос о том, *что есть самое лучшее, совершенное и праведное* в личном поведении и в отношении человека к человеку. Указания совести надлежит затем высказать в форме грамматического предложения и логического суждения, которое и *выразит основную* моральную норму поведения; распространение этого правила на отдельные стороны внутренней и внешней жизни даст возможность составить *подчиненные* нормы морали. Так, напр., каждому из нас без особого труда удастся признать и формулировать норму: «относись ко всякому человеку с тою любовью, которою ты обычно любишь самого себя»; такое перенесение жизненного центра тяжести со своего

благополучия на других людей породит, с одной стороны, требования *бескорыстия, самоотвержения и скромности* в отношении к себе, с другой стороны – правила, предписывающие *доброжелательство, уважение, щедрость, доверие* и т. д. по отношению к другим.

Итак, нормы морали каждый человек должен установить для себя *сам*. Другие, в частности родители и воспитатели, могут ему, правда, *помочь* в раскрытии и осмыслении голоса совести, но до *признания и убеждения* каждый из нас должен дорасти сам. Это *не* значит, что у каждого человека могут быть свои особые воззрения на добро и зло, причем каждый *про себя* будет *прав*. Нет, различные понимания морали бывают у людей потому, что они или не знают верного пути к совести, или же не хотят им идти; нередко они ошибаются, принимая «житейскую пользу» за нравственное добро, или не решаясь поставить перед совестью правильный вопрос о *самом* лучшем; или же они, совсем не обращаясь к ее авторитетному голосу, придумывают что-нибудь *от себя*. При правильном же исследовании голос совести покажет всем людям одно и то же, и это выражали иногда так: совесть есть голос Божий, звучащий одинаково в каждой душе, но требующий от нее особого внимания и *самодетельной* работы над ее убеждениями. Таков *порядок установления* моральных норм.

Понятно, что норма морали *связывает только того* человека, который ее признал; она предполагает *добровольное* согласие и признание, и если кто-нибудь соблюдает ее по чужому приказанию, из покорности или страха, то она теряет свой моральный характер. Это не значит, конечно, что всякий, кто не захочет признать ее, может делать, что ему заблагорассудится: произвол его окажется ограниченным нормами другого характера – теми нормами права, которые связывают каждого гражданина, а также теми, которые установлены распоряжениями его ближайшего начальства (напр., воспитателей). Но это значит, что нравственная жизнь возможна только для того, кто имеет действительное, искреннее желание стать лучше; каждого человека можно и должно свободно *убедить* в том, что существует внутренний закон добра и что это есть закон любви; и наконец, что если он его не соблюдает, то он *всегда будет неправ*. Но *принудительно* – нормою морали нельзя связать никого.

Далее, эта норма предписывает всегда известное *внутреннее отношение* ко всему живому, и в особенности к человеку, и в виде естественного последствия или выражения этого настроения души, – *внешнее поведение, согласное с ним*. Нравственные правила всегда начинают с душевной глубины и требуют прежде всего *внутренней доброты*. Это не значит, что они удовлетворяются ею и большего не требуют; недаром говорится, что «ад вымощен добрыми желаниями». Но это означает, что нравственные правила никогда не предписывают внешних поступков или внешнего поведения *независимо* от того душевного настроения, которым они сопровождаются. Нравственный поступок всегда готовится в глубине души, как бы вырастает из нее, и внешнее проявление человека всегда является в таких случаях лишь зрелым плодом внутренней доброты.

Наконец норма морали имеет свою санкцию в виде живого *укора совести*. Тонко развитая и глубоко чувствующая душа испытывает этот укор часто и явственно. Он выражается в известном каждому из нас *внутреннем недовольстве* своим поступком или даже всею своею жизнью: человек сознает свою *неправоту* и чувствует, что он и должен и *может* жить и действовать иначе; это и вызывает в нем чувство *вины*. Задача человека в том, чтобы не заглушать в себе укор совести и чувство нравственной вины, но приучить себя относиться со вниманием к этому укору и тем воспитать в себе *чувство нравственной ответственности*.

После всего сказанного понятно, каково взаимное отношение норм религии и норм морали. Они отличаются, во-первых, по тому авторитету, который устанавливает правило (в религии – *воля Божия*, в морали – *голос совести*); во-вторых, по тому порядку, в котором правило формулируется (в религии – соборное изложение откровения, данного *избранным* людям, в морали – самостоятельное восприятие и формулирование голоса совести, данного *каждому*); в-третьих, по санкции (в религии – гнев и суд Божий над грешником, в морали –

укор совести и чувство вины). В то же время нормы религии и нормы морали имеют сходство: во-первых, в том, что они *требуют* всеобщего признания, но связывают только тех, кто их добровольно признал (в религии – уверовал, в морали – убедился); во-вторых, в том, что они предписывают известное поведение, вырастающее из глубины души.

При этом верующие обычно подразумевают, что норма религиозная, являясь выражением воли Божией, не отменяет и не изменяет голос совести, но придает ему особую силу и дополняет его требования – новыми. Вот почему религия иногда поглощает мораль.

§ 8. НОРМЫ МОРАЛИ И ПРАВА

Различие между нормами морали и нормами права является еще более значительным.

Прежде всего, нормы права устанавливаются не внутренним авторитетом, а *внешним*: они основываются не на божественной воле и не на голосе совести, но на предписании, которое создается известными *людьми* и связывает как их самих, так и других членов союза. Правовые нормы вообще устанавливаются и формулируются *другими* людьми, т. е. не каждым человеком для самого себя; они как бы приходят к нам извне, предписывая, запрещая и позволяя нам различные поступки, независимо от того, согласны мы на это или не согласны. Право основывается на том, что в союзе людей есть *общая* для всех *власть*, т. е. что *некоторые из членов союза уполномочены* придумывать, выражать в словах и объявлять обязательные для всех правила поведения, а также следить за тем, чтобы все им повиновались. Эти правила получают свою силу от их авторитета, а их авторитет покоится на том полномочии, которое им предоставлено. Понятно, что эти «другие» люди, которые создают для себя и для нас правовые нормы, являются всегда *строго определенными* и *уполномоченными* людьми. Они могут получить это полномочие различными путями: во-первых, так, что все члены союза сговариваются и прямо поручают им это дело (напр., вече избирало князя в Древней Руси; или, в наше время, корпорация избирает свое «правление», клуб выбирает «старшин» и т. д.); во-вторых, в силу того, что есть *постоянное правило*, указывающее, кому эта власть принадлежит пожизненно и к кому переходит по наследству (напр., власть монарха) и наряду с этим, кто, кем и на какую должность может быть выбран народом (напр., члены Государственной Думы) или назначен государем (напр., министры, губернаторы); наконец, в отдельных случаях, когда союз организуется заново, или в корне переустраивается, или объединяется ненадолго, такое полномочие может принадлежать тому, кто первый проявит инициативу и за кем другие члены союза признают эту власть молчаливым повиновением (так бывает, например, когда за отсутствием обычных властей во время войны, или эпидемии, или смуты организуется временный общественный комитет для поддержания порядка). Во всех этих случаях налицо остается допущение, что некоторые, строго определенные люди имеют полномочие издавать обязательные нормы и императивы и что это «правильно».

Отсюда уже ясно, что правовая норма устанавливается всегда *в определенном порядке*. Если далеко не всякий уполномочен издавать правовые нормы, то, с другой стороны, и те, кто на это уполномочен, должны соблюдать в своем деле известный, обыкновенно строго предначертанный порядок. К установлению и соблюдению этого порядка приводит сознание того, как важно и как трудно получить вполне справедливую и целесообразную правовую норму. Нет никакого сомнения в том, что верную норму *морали* также очень трудно установить и что соблюдение строгой *внутренней* последовательности в раскрытии голоса совести необходимо и там; но, к сожалению, люди до сих пор мало прониклись этой идеей. В области же права люди это признали; именно поэтому они разделили весь путь, который проходят правовые нормы, на несколько этапов. Согласно этому разделению, одни имеют полномочие указывать на необходимость новой нормы; другие – проверять эту необходимость и формулировать предполагаемую норму; третьи обсуждают справедливость и целесообразность предложенного правила и решают – быть ему или не быть; верховная власть утверждает это решение; затем отдельно проверяется, соблюден ли предначертанный порядок издания нормы и, наконец, самая норма объявляется во всеобщее сведение. Таков обычный порядок, о котором еще придется говорить в дальнейшем (см. § 20).

Теперь понятно также, на кого распространяется правовая норма, установленная властью. Правовые предписания исходят от *одних* людей, а обращаются к *другим* людям, принадлежащим к этому союзу и подчиненным этой власти. Это означает прежде всего, что

правовая норма предписывает людям известное поведение, *независимо* от того, согласны ли они, что эта норма хороша, или несогласны, хотят они ей подчиняться или не хотят. Если правовая норма что-нибудь повелевает или что-нибудь воспрещает, то это повеление и это воспрещение сохраняют все свое значение и в том случае, если есть несогласные: они все равно *обязаны* ей подчиняться. Она не теряет своего значения и своей силы потому, что *не зависит от добровольного признания и внутреннего убеждения подчиненных ей*. В этом ее глубокое отличие от норм морали, которые основываются именно на внутреннем убеждении и добровольном признании человека. Само собой разумеется, что тот, кто установил правовое предписание, был убежден в его необходимости и целесообразности; но в согласии всех подчиненных он не нуждался. Итак, правовая норма связывает всех тех, и даже несогласных членов союза, которые в ней указаны. При этом, по общему правилу, в каждом союзе власть может издавать предписания только для своих членов; однако эти предписания могут относиться и к тем пришлым людям, которые временно пребывают в пределах союза как бы на положении гостей (напр., «торговые гости», «иноземные гости»; ср. русские былины).

К этому необходимо добавить, что каждая правовая норма, что бы она ни предписывала и ни воспрещала, налагает особую связь *и* на тех людей, которые установили ее своею властью. Именно, раз установив ее, они обязаны поддерживать ее всеми силами и признавать ее за правовую норму; они не могут установить новое правило, которое бы ей противоречило, до тех пор, пока не отменят открыто первую норму; наконец, они не могут никому позволить не повиноваться норме, а с другой стороны, не могут никого заставить повиноваться тому, что не установлено в правовых нормах или не высказано в виде правового императива. В этом *отличие права от произвола* и правовой нормы от произвольных требований.

Но если правовая норма требует известного поведения, независимо от согласия того, кому она его предписывает, то отсюда ясно, что она может требовать от людей *только такого поведения, которое можно соблюдать без внутреннего согласия*. Это значит, что право может предписывать только *внешнее поведение* и не может требовать от людей, чтобы они осуществляли по приказанию какие-нибудь внутренние душевные состояния: о чем-нибудь думали, что-нибудь любили, чего-нибудь не желали и т. д. Такие предписания со стороны права *несостоятельны*, во-первых, потому, что внутренние, душевные качества нравственно ценны только тогда, если они выработаны и созданы доброю волей и личными усилиями человека, и теряют свою ценность, если человек старается приобрести их по чужому приказу; они несостоятельны, во-вторых, потому, что никто не может заставить человека признать что-нибудь, или захотеть, или подумать, а также не может проверить, действительно ли он это признал, захотел и подумал или только «сделал вид», чтобы избежать преследований. В прежние времена полагали, что это возможно и потому подвергали людей напрасной и несправедливой пытке; но в наши дни эта граница права признана окончательно.

Это не значит, однако, что правовые предписания *совсем не обращают внимания* на душевные состояния людей. Нет; но право считается лишь с теми душевными состояниями (помыслами, желаниями, чувствованиями), которые *проявлены людьми в их внешнем поведении* – посредством слов, жестов или в письменной форме. Так, напр., покупка может состояться лишь в том случае, если покупающий *выразит* как-нибудь свое согласие; или, напр., суд будет исследовать и проверять наличность злой, испорченной воли у человека только тогда, если он совершит какие-нибудь *внешние*, запрещенные правом поступки и т. д. Но пока человек ничем внешним не обнаружил намерения или попытки нарушить правовую норму и не совершил никакого внешнего поступка, которому правовые нормы придают известные последствия (напр., не подал голоса на выборах, не заключил договора, не предложил к продаже свою вещь) – власть, следящая за соблюдением права, не имеет никаких оснований вторгаться в его внутреннюю жизнь. Нравственные решения и дурные желания

сами по себе имеют значение в религии и морали, но не в праве; для права важно только то, что обнаружено или чего не обнаружено во внешнем поведении.

Наконец правовые нормы обычно (хотя далеко не всегда) имеют *санкцию*. Эта санкция состоит в том, что нарушающий правовую норму, делающий запретное или не исполняющий своей обязанности, может ожидать неприятных последствий, которые постигнут его в его внешней жизни. Санкция правовой нормы всегда осуществляется так, что приходят другие, уполномоченные люди и *заставляют* неповинующегося делать то, чего ему не хочется: или понуждают его исполнить свою обязанность, указывая ему на правовую норму, которую он нарушил, и на взыскания, которые могут быть на него возложены (напр., понуждают его внести недоимку, явиться к отбыванию воинской повинности); или исполняют эту обязанность за его счет (напр., продают часть его имущества и вносят за него недоимку или уплачивают из вырученных денег его долги); или же налагают на него взыскание, будь то по суду или в порядке управления.

Теперь должно быть понятно отличие правовых норм от норм морали. Они отличаются, во-первых, по тому авторитету, который устанавливает правило (в морали – внутренний авторитет: *голос совести*; в праве – внешний авторитет: *другие люди*, строго определенные и *особо уполномоченные*); во-вторых, по тому порядку, в котором правило устанавливается (в морали – самостоятельное восприятие и формулирование голоса совести, данного каждому особо; в праве – *последовательное* прохождение правила через все *строго установленные* этапы рассмотрения, в котором участвуют многие люди); в-третьих, по тому, кто получает предписание (в морали – добровольно признавший требование совести; в праве – *всякий член союза, указанный в норме, независимо от его согласия* и признания); в-четвертых, по тому поведению, которое предписывается в норме (в морали – *внутреннее поведение*, выражающееся и во внешних поступках; в праве – *внешнее поведение*, которое может, однако, привести и к рассмотрению душевного состояния; и, наконец, в-пятых, по санкции (в морали – укор совести и чувство вины; в праве – угроза неприятными последствиями и внешние принудительные меры).

§ 9. ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО. ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Несмотря на то, что между нормами права и нормами морали имеются столь существенные отличия, между ними не порывается и не должна порываться *живая связь*.

Отношение между правом и моралью может слагаться правильно и неправильно. *Правильное* отношение между ними существует тогда, когда право, не выходя из своих пределов, *согласуется по существу* с требованиями морали и является для нее подготовительной ступенью и поддержкою; а мораль, с своей стороны, служа для права высшим мерилom и руководителем, *придает правовым велениям* то глубокое значение и ту *обязательную силу*, которая присуща нормам морали. Это бывает, следовательно, тогда, когда право, с одной стороны, предписывает людям такое внешнее поведение, которое может быть одобрено и совестью (напр., служение общему благу, ненарушение чужой свободы, неподкупность, защиту родины, исполнение обязательств, принятых на себя добровольно, и т. д.); когда оно, с другой стороны, воспрещает людям те внешние поступки, которых и совесть не одобряет (напр., нарушение данного слова, обман, причинение вреда, насилие, притеснение, убийство и т. д.); и когда, наконец, право, не разрешая людям никаких нравственно предосудительных деяний, устанавливает в людских отношениях справедливый порядок.

Справедливость требует, чтобы люди вообще обсуждали и рассматривали свои отношения и судили других людей, имея в виду «действительное положение вещей», т. е. не только внешнюю поверхностную видимость отношений и поступков, но их *подлинную сущность* и *нравственное значение*. Дело в том, что на свете ни одно событие не повторяется целиком, как оно есть, хотя внимательное научное наблюдение выделяет без труда черты *сходства* в явлениях мира. Однако каждый раз, как мы присмотримся к событию повнимательней, так окажется, что оно представляет из себя нечто совершенно новое. Во-первых, *все подлежит непрерывному развитию* и изменению: и вода, и земля, и растения, и животные; и сами люди постоянно изменяются, развиваясь и внутренне, и внешне; достаточно подумать, например, что тело каждого из нас *совершенно*, хотя и незаметно, обновляется на протяжении десяти лет. Во-вторых, все вещи и все люди *в сущности неодинаковы*, хотя отчасти могут походить друг на друга и взаимно напоминать друг друга; но происхождение от разных предков и родителей, различное воспитание, строение тела, характер души, личные способности и склонности – все это делает каждого из нас единственным в своем роде и неповторяемым. Это еще не придает никому из нас особенной ценности, но ведет к тому, что на свете *действительно ничего не повторяется*. Между тем, если человек будет останавливаться вниманием и мыслью только на единичных, индивидуальных явлениях жизни, то он неизбежно растеряется как в теоретическом познании, так и в практическом руководстве: он не найдет ни одного «закона природы» и не создаст ни одной «нормы поведения» (см. § 1). Потому что и в том, и в другом человек останавливается именно на похожем и одинаковом, *отвлекая его мысленно* от несходного и условно закрывая себе глаза на неодинаковое. Норма, если она не превращается в императив, всегда имеет в виду лишь одинаковое, «типическое» во многих возможных различных случаях; поэтому она по необходимости не учитывает каждый отдельный случай в его неповторяемой особливости, в его прихотливом своеобразии: и этим она как бы «*уравнивает*» все случаи, т. е. рассматривает их так, *как если бы* они были одинаковы, тогда как на самом деле они остаются *неодинаковыми*. И вот здесь возникает опасность, что правовые нормы окажутся чрезмерно отвлеченными, рассматривающими всю жизнь как бы с высоты птичьего полета и все уравнивающими. Чрезмерная *удаленность* и *общность* права неминуемо поведет к его *несправедливости*, мы все чувствуем и сознаем, что люди не равны между собою: справедливая норма не может возлагать

одинаковые обязанности на ребенка и на взрослого, на бедного и на богатого, на женщину и на мужчину, на больного и на здорового; ее требования должны быть *соразмерны* личным силам, способностям и имущественному положению людей: кому больше дано, с того больше и взыщется. Поэтому справедливость требует, чтобы правовые нормы сохраняли в своих требованиях *соразмерность действительным свойствам и деяниям людей*.

Однако, с другой стороны, невозможно создавать для *каждого* отношения людей *особую* правовую норму, приспособленную именно к *этому* отношению во всех его особенностях и деталях и в силу этого не подходящую более ни к одному отношению. Понятно, что в таком случае нормы превратились бы в единичные императивы и количество правовых императивов должно бы было неминуемо разрастись до бесконечности.

Такой порядок был бы опять-таки сразу и *вреден*, и *несправедлив*.

Если бы право, стремясь к соответствию с действительными свойствами и деяниями людей, стало вмешиваться во все второстепенные детали человеческих отношений, предусматривая каждый шаг и стесняя каждое проявление, то произошло бы следующее. *Во-первых*, оно потерпело бы неудачу в осуществлении этого, ибо *невозможно* предусмотреть заранее каждый индивидуальный случай, могущий возникнуть в будущем: будущее всегда чревато *непредвидимыми событиями*, всегда новыми и почти всегда неожиданными, и весь труд оказался бы здесь тщетным; невозможно также увеличивать число правовых правил до бесконечности, ибо это породило бы только замешательство и вместо устройства жизни возникло бы горшее расстройство. *Во-вторых*, вмешательство права во все жизненные детали для того, чтобы заранее с точностью отмерить для каждого случая соответствующую дозу правовых последствий, привело бы к тому, что люди из-за этой мелочной предусмотрительности утратили бы всякую *инициативу* и всякий почин, всякую возможность *свободной самодетельности* (см. § 5); а между тем право есть *опора* для свободной и согласной деятельности людей, но не педантическая опека над их деятельностью; оно должно укрепить в людях правосознание, но не отучить их от самодетельности. *В-третьих*, такое вмешательство права, с его внешними предписаниями, во все жизненные детали стеснило бы и ограничило бы ту область, в которой господствует и свободно развивается *моральное чувство*, или *голос совести*; право не должно переходить свою границу и вторгаться в сферу свободных и добровольных душевных движений и их естественных внешних проявлений, иначе утратится дружная и согласованная работа морали и права над усовершенствованием человеческой жизни. Вот почему такой порядок был бы *вреден*.

Но он был бы, сверх того, и *несправедлив*. Дело в том, что люди, несмотря на все свое несходство и неодинаковость, сохраняют *равенство* в известном отношении, так что, если бы право упустило из вида это равенство, то оно впало бы в явную несправедливость. Все люди как *разумные, живые существа*, носящие в себе *влечение к счастью* и к *полноте духовного бытия*, скрывающие в себе *голос совести* и *способность к нравственному совершенствованию*, — имеют одинаковое, *по справедливости равное* притязание на жизнь, на удовлетворение, на развитие своих благих способностей и на свободу добрых проявлений. Это равенство не состоит, разумеется, в том, что все имеют безграничную свободу, или что никто никому не обязан подчиняться, или что всякий волен делать, что ему угодно. Нет; свобода каждого человека простирается лишь до тех пределов, у которых начинается свобода других людей. Совместная жизнь людей ставит их в такое положение, что каждый оказывается помещенным как бы в клеточку, окруженную такими же клеточками других людей. И вот справедливость требует, чтобы эти клеточки не вытесняли взаимно друг друга, но предоставляли друг другу свободу существования. Согласно этому, справедливость требует, чтобы право поддерживало *равенство и равновесие* между людьми, *поскольку это необходимо* для того, чтобы *каждый* мог вести *достойное существование*. Здесь право должно избежать другой опасности: оно не должно упускать из вида, что каждый человек, кто бы

он ни был, как бы ни был он ограничен в своих силах и способностях, имеет *безусловное духовное достоинство* и что в этом своем человеческом достоинстве каждый человек равен другому. Если люди *различны* по своим *реальным свойствам*, то они *равны* по своему *человеческому достоинству*. Поэтому справедливое право не поддерживает *естественного неравенства* людей, если от этого может пострадать их *духовное равенство*. *Справедливое право есть право, которое верно разрешает столкновение между естественным неравенством и духовным равенством людей*, учитывая первое, но отправляясь всегда от последнего.

Правовые нормы, стоящие в согласии с моралью и справедливостью, называются *естественным правом* (т. е. правом, соответствующим самому «естеству» человека как духовно-нравственного существа). Когда человек имеет дело с такими нормами, то он получает возможность повиноваться им не только за страх, но и за совесть. Тогда оказывается, что каждый человек имеет не только правовую, но и *моральную* обязанность *повиноваться праву*, потому что тогда право предписывает во внешнем поведении то самое, что голос совести одобряет как нравственное и справедливое. При таком положении дел право требует от человека как бы известного минимума морального и справедливого поведения, именно – *моральной корректности во внешних поступках*, и этим оно содействует нравственному воспитанию человека, начиная это воспитание с «внешнего». Тогда и мораль находит в праве могучую и достойную опору и между обеими сторонами устанавливается живое и творческое взаимодействие. В естественном праве обе стороны соединяются и согласуются: право остается правом, но получает значение моральной верности и становится *естественным правом*; мораль не вытесняется и не нарушается правом, но руководит его предписаниями и придает ему характер «*естественности*».

Такого верного соотношения в действительности достигнуть трудно, хотя и не невозможно. Все человечество имеет перед собою задачу – работать над моральным усовершенствованием права. Создать естественное право есть идеал, который постепенно осуществляется в истории, но который еще далеко не осуществлен; отмена правовых норм, допускавших рабство, пытки, телесное наказание, крепостное состояние, бесправное положение женщины и т. д., свидетельствует о том, что дальнейшая работа здесь и необходима, и возможна.

Таково правильное отношение между нормами морали и права.

§ 10. ЦЕЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ПРАВА. ПРАВЫ

После всего сказанного нетрудно понять, какова цель права и в чем его значение.

Цель права, как и других норм общественного поведения, состоит прежде всего в том, чтобы сделать возможным *мирное сожительство людей*. Право достигает этого тем, что указывает людям *обязательные для них пределы в их внешней деятельности*. В деле обуздания людских страстей и ограничения непомерных претензий право довольствуется тем, что устанавливает порядок во *внешних* поступках, предоставляя каждому узнать, посредством чтения и изучения правовых норм, сущность и черты этого обязательного порядка. Совершать те внешние поступки, которые правом предписаны, и не совершать тех внешних поступков, которые правом воспрещены, людей побуждает: во-первых, *простое сознание* того, что *так велит правовая норма*, во-вторых – сознание того, что уклонение от этого порядка должно повлечь за собою *неприятные принудительные последствия*. Для тех, кто признает, что повиновение праву необходимо ради поддержания мирного сожительства, достаточно простого сознания: «так велит правовая норма»; они повинуются праву и в том случае, если оно почему-нибудь решает спор не в их пользу; мало того: такие люди, обнаруживающие истинную *зрелость правосознания*, повинуются даже тем правовым нормам, которые кажутся им несправедливыми. Это следует понимать так: если право решает их спор *не в их пользу*, и притом несправедливо, то они спокойно и мужественно переносят это несправедливое решение, подчиняясь ему; если же несправедливое решение обращается во вред *другому*, то они по доброй воле вознаграждают несправедливо потерпевшего соседа. Но как в том, так и в другом случае они стремятся сделать *все*, что в их силах, для того, чтобы заменить устаревшую, или неудачную, или несправедливую норму – новой, справедливую и верную.

Такой образ действий как нельзя более соответствует высшей и основной цели права: устроить совместную жизнь людей так, чтобы на столкновения, взаимную борьбу, ожесточенные споры и т. д. тратилось *как можно меньше духовных сил*. Мирные отношения между людьми состоят не в том, что каждый непрерывно судится со всеми, жалуясь и отстаивая свою выгоду всеми дозволенными средствами, или даже старается запутать судей и провести свое дело во что бы то ни стало. Такой человек часто оказывается готовым *обойти закон*, если ему не удастся отстоять свои интересы *по закону*. Для него право является не другим морали, а только врагом его личной жадности; он испытывает правовые предписания, как цепи на своих руках, и всюду, куда право почему-нибудь не вполне проникает (напр., во внутренние отношения семьи или в отношение к мирным иностранцам на войне и во время войны), он готов проявить свою злую и хищную волю.

Относиться так к праву, значит употреблять его во зло, тогда как на самом деле *право призвано служить не злу, а добру*. Первоначально правовые нормы были введены для того, чтобы *обуздать внешние проявления злой воли*, но было бы жестокой ошибкой думать, что этим исчерпывается назначение права. Самое обуздание внешних проявлений злой воли необходимо именно для того, чтобы содействовать развитию в душах людей *доброй воли*, и право только тогда будет понято в своем истинном значении, когда люди будут иметь в виду не букву права, а его основную цель и *дух*.

Значение права состоит в том, что оно есть могучее средство *воспитания людей к общественной жизни*. Правовые нормы и повиновение им должны научить человека считаться с существованием других людей и с их интересами. Каждый человек должен приучить себя к тому, чтобы *доброю волею* ограничивать свои притязания, принимая во внимание, что другие также *имеют право* жить и осуществлять *свои* интересы. Ограничивая свободу каждого известными пределами, право обеспечивает ему за то беспрепятственное и спокойное

пользование *своими* правами, т. е. гарантирует ему свободу *внутри* этих пределов. Свобода каждого человека простирается лишь до той границы, от которой начинается свобода других людей. Стремясь установить эти границы, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился *порядок*, основанный на *свободе*.

Воспитать людей в этом направлении, значит, далее, приучить их к мысли о том, что каждый человек – кто бы он ни был и какими бы свойствами он ни отличался, имеет *одинаковое* право жить, работать, бороться за свои справедливые интересы и развивать свои духовные силы. Укрепление этого чувства в людях достигается особенно распространением естественного (т. е. нравственно верного) права: повинаясь ему, человек приучается видеть в каждом – *равного* себе *ближнего* своего и уважать *каждого*, кто бы он ни был. Воспитывая так человека, право содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился *порядок*, основанный на *равенстве*.

Именно в этом значении своею право оказывается преддверием морали. Человек, приучившийся сдерживать и обуздывать свои внешние проявления согласно правовым нормам, приобрел уже умение господствовать над собою при помощи воли. *Внешнее самообладание*, к которому приучает право, есть уже начавшееся господство разумной воли над жизнью необузданных страстей и диких порывов. Конечно, мало развить в себе сознание своих прав и обязанностей (*правосознание*) и приучить себя к верному с точки зрения права (т. наз. *легальному* или *лояльному*) поведению. Только внутренняя нравственная работа над собою может облагородить душу в ее корне и пробудить в человеке *любовное* отношение к ближним. Но работая над человеческим поведением рука об руку с моралью и подготавливая ее конечное торжество, право, несомненно, содействует тому, чтобы в совместной жизни людей воцарился *порядок*, основанный на *братстве*.

В этом деле общественного воспитания праву приходят на помощь *нормы нравов*. Правовые предписания не могут проникнуть во все стороны человеческой жизни и установить повсюду обязательные пределы: это значило бы убить всякую свободную жизнь, всякое нестесненное проявление и творческую инициативу людей; с другой стороны, праву и не удалось бы учесть всякое движение человека, а погоня за мелочами заставила бы его упустить из вида главное (см. § 9). Поэтому оказывается очень важным, чтобы в жизни людей постепенно слагались *добрые обычаи* и *морально верные нравы*. Эти обычаи необязательны в правовом отношении и никем формально не устанавливаются; и тем не менее люди осуществляют их, и если кто-нибудь формулирует их в виде *правил поведения*, то признают их, – отчасти по привычке к ним, отчасти из смутного сознания, что «так лучше», отчасти же из уважения к авторитету «общественного мнения». Таковы, напр., все правила вежливого и любезного обхождения, многие обычаи религиозные, торговые, обычаи, связанные с отдыхом и увеселениями, и т. д. Редко кто может указать корень и происхождение такого обычая; часто остается только сознание, что «так делали отцы и деды» или что «так исстари повелось». Конечно, не все, что «повелось», заслуживает одобрения и поддержки: обычаи могут быть грубы и жестоки (напр., бой быков, русские кулачные бои), или вредны духовно и телесно (напр., пьянство, объедение по праздникам), или основаны на предрассудках и суеверии (напр., гадания, чурания и т. п.). Однако с развитием и углублением образования вредное и нелепое постепенно отпадает и сознание: «так надо, хотя и никто не приказал», связывается только с теми обыкновениями, которые *облегчают задачу морали и права*. *Нравы* народа соответствуют тому, что мы называем «характером» у отдельного человека: это свойственные ему, устойчивые способы внутренней жизни, которые и выражаются в виде внешних *обычаев*. И вот, по мере духовного развития народа нравы все более совершенствуются и находят себе выражение в хороших и благородных обычаях (напр., обычай благотворения, обычай выражать другому свое уважение), а добрые обычаи содействуют, в свою очередь, воспитанию в людях благородных и мягких нравов.

§ 11. СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА. ОБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО

Мы видели, что всякая правовая норма устанавливает известный порядок как должный, обращаясь к людям с различными предписаниями; в этом ее основная сущность, так как она всегда указывает, что известный строй внешних отношений *должен* соблюдаться всеми членами союза. То, что право предписывает людям, называется его *содержанием*. Понятно, что правовые нормы, указывая каждому обязательные пределы в его внешней деятельности, могут *позволить* известные внешние поступки, но могут их и *воспрепятствовать*, и в то же время, воспрепятствуя одно, они могут *повелеть* делать другое. Право всегда указывает человеку то, что «можно», то, чего ему «нельзя», и то, что он «обязан» делать. При этом, говоря о «возможности» («можно») и «невозможности» («нельзя»), следует иметь в виду не телесную или душевную способность человека: право не в состоянии увеличивать или уменьшать *дары природы*, данные человеку (напр., мускульную силу, здоровье, талант) или приобретенные им *умения*. Правовое «можно» следует понимать в смысле «позволено, предоставлено», а правовое «нельзя» – в смысле «воспрепятствовано». Итак, содержание права состоит в тех *позволениях, воспрепятствованиях и повелениях*, которые им устанавливаются и которые вместе составляют «порядок», *устанавливаемый правом в качестве должного*.

Правовое позволение состоит в том, что человеку указывается, какие внешние поступки *предоставлены на его усмотрение*, причем правовые нормы обеспечивают ему защиту этих поступков. То, что ему позволено или предоставлено на его усмотрение (напр., распоряжаться вещами, которые ему принадлежат; написать завещание или не писать завещания; исповедовать то или другое религиозное учение, подавать свой голос на выборах или воздержаться, и если подавать, то за кого именно; подписывать петицию в парламент или не подписывать) – образует для него *сферу свободы*, признанной и защищенной правом. Это означает, *во-первых*, что все, что человек совершит в пределах своей правовой свободы – все это другие люди должны допускать, не смея ему в этом препятствовать; в случае же если кто-нибудь вздумает мешать ему, он может обратиться к людям, следящим за исполнением правовых норм (правящие органы государства), и они обязаны прийти ему на помощь: удостоверить его сферу свободы, установить, что она была нарушена, исследовать, кем именно, и осуществить по отношению к нарушителю правовую санкцию (взыскать с него убытки потерпевшему или подвергнуть его сверх того наказанию). Это означает, *во-вторых*, что человек, имеющий правовую сферу свободы, может в пределах ее совершать такие поступки, которые будут иметь для других людей, а также и для него самого, *обязательные последствия* (напр., если он продаст другому свою вещь; или отдаст ее в наем; или подаст голос на выборах). Эти обязательные последствия состоят в том, что, с одной стороны, *уменьшается* или *увеличивается* его собственная сфера свободы, с другой стороны, *увеличивается* или *уменьшается* сфера свободы другого человека или других людей (напр., продавший уменьшает, а купивший увеличивает свою сферу свободы; подавший голос на выборах уменьшает, избранный увеличивает свою сферу свободы). Таким образом, всякое правовое позволение предоставляет человеку определенную и ограниченную, но защищенную свободу действия или *правовое полномочие*; тот, кому оно предоставлено, называется *субъектом полномочия*. Действие человека в пределах его полномочия называется *осуществлением полномочия*.

Далее, *правовое воспрепятствование* состоит в том, что человеку указывается, каких внешних поступков он *не смеет* совершать. Понятно, что правовые воспрепятствования устанавливаются для тех поступков, которые, вообще говоря, по силам человеку и которые он фактически *может* совершить. То, что человек *может*, но *не смеет* делать (напр., похитить

чужое имущество; оскорбить кого-нибудь действием; распространить о другом клевету и т. п.), образует для него сферу запретного, *сферу покорности*, установленной и поддерживаемой правом. Это означает, что все, что человек совершит в пределах запретного, может навлечь на него тягостные последствия в принудительном порядке: или так, что пострадавший от его неправомерного поступка потребует от него через посредство суда возмещения убытков и вознаграждения (гражданский порядок при гражданском правонарушении); или так, что правящие органы (т. е. люди, следящие за исполнением правовых норм) привлекут его к ответственности за нарушение правовых норм, и суд, рассмотрев дело, наложит на него наказание (уголовный порядок при уголовном правонарушении). Таким образом, всякое правовое воспреещение устанавливает для человека определенную и поддерживаемую угрозой сферу покорности или *правовую запретность*; тот, кто может подлежать взысканию за неправомерный поступок, называется *ответственным субъектом*. Действие человека в пределах запретного называется *правонарушением*.

Наконец, правовое повеление состоит в том, что человеку указывается, какие внешние поступки он *обязан совершать*, причем правовые нормы обычно предупреждают его о тех последствиях, которые грозят ему в том случае, если он не совершит предписанного. То, что ему повелено и что он обязан исполнить (напр., уплатить долг кредитору; или внести государству налог; или явиться к отбыванию воинской повинности), образует для него *сферу повиновения*, требуемого и поддерживаемого правом. Если правительственные органы не имеют физической возможности уследить за тем, чтобы никто *не нарушал запрета*, то тем более они не имеют возможности заставить людей *совершать* известные *положительные поступки*. В обоих случаях они ставят (как непокорного, так и неповинующегося) перед угрозой неприятными последствиями: жалоба пострадавшего или привлечение к ответственности со стороны правящего органа (для разных случаев неповиновения установлены разные пути) вызывают к жизни правовую санкцию. Таким образом, всякое правовое повеление устанавливает для человека определенную и поддерживаемую правом сферу повиновения, или *правовую обязанность*; тот, на кого она возложена, называется *обязанным субъектом*, или, что то же, субъектом обязанности. Действие человека в этих пределах называется *исполнением обязанности*.

Теперь ясно, что право осуществляет свою цель и свое назначение именно посредством установления позволений, воспреещений и повелений, причем каждому *позволению*, установленному в правовой *норме*, соответствует *полномочие*, принадлежащее целому ряду членов союза; каждому *воспреещению* – *запретность*, тяготеющая над членами союза; каждому *повелению* – *обязанность* всех, многих или некоторых граждан. Это можно выразить так, что правовые *нормы* устанавливают правовые *полномочия*, *запретности* и *обязанности*. Юридические науки называют правовые нормы (и правовые императивы) *объективным правом*, или *правом в объективном смысле*, а правовые полномочия, запретности и обязанности, принадлежащие членам союза, – *субъективным правом*, или *правом в субъективном смысле*.

Отношение между объективным правом и субъективным правом может быть, следовательно, выражено так: объективное право есть *источник* субъективного права. Это означает, что правовые полномочия, запретности и обязанности могут быть установлены *только* правовыми нормами и правовыми императивами; нет правовой нормы (или правового императива) – не может быть правовых полномочий, запретностей и обязанностей, ибо все они «порождаются» или «проистекают» от объективного права. Тот, кто хочет знать о субъективных правах, должен обратиться к изучению объективного права; ибо *субъективное право есть содержание объективного права*.

Нетрудно понять, что о *содержании* права можно говорить не только применительно к объективному праву (какие именно полномочия, обязанности и запретности устанавливаются правовыми нормами), но и применительно к *субъективному праву*: каждое полномочие

уполномочивает человека на какие-нибудь определенные внешние поступки; каждая запретность запрещает человеку известные внешние деяния; каждая обязанность есть обязанность совершить нечто строго определенное. *Содержанием субъективного права* называются те *поступки и деяния, которые позволены, воспрещены или вменены в обязанность человеку.*

Исследуя содержание субъективного права, следует иметь в виду соотношение между полномочиями, обязанностями и запретностями. Именно: деяние, которое человек *обязан* совершить – всегда *позволено и не запрещено* ему; деяние, которое человеку *позволено* совершить – *не запрещено* ему и *не вменено ему в обязанность*; деяние же, которое *воспрещено* – тем самым *не позволено и не повелено* человеку. При этом может быть и так, что полномочие дается человеку только в виде обязанности: так бывает, например, у лиц, состоящих на государственной службе, когда они *обязаны* делать то самое (напр., судить, управлять), к чему они *уполномочены*. Понятно, далее, что деяние, которого человек *не обязан* совершать – может быть *позволенным*, но может быть и *воспрещенным* деянием; поступок, который человеку *не позволен* – может быть *запрещен*, но может быть просто *не предусмотрен* правом, и тогда он считается *позволенным*, пока не доказано обратное; наконец, деяние *не запрещенное* – может считаться *позволенным*, если только оно не вменено в прямую *обязанность*.

Здесь особенно важно иметь в виду, что не всякое запрещение высказывается *прямо* в правовых нормах. Обычно в них высказывается открытое запрещение только тогда, если правовая власть считает особенно важным, чтобы «такие-то» поступки совсем не совершались, «такие-то» обязанности всегда в точности исполнялись, «такие-то» границы полномочий никогда не нарушались; именно в таких случаях *нарушение запрета* может повлечь за собою не только «неприятные» для нарушителя последствия (в виде принудительного возмещения чужого пострадавшего интереса), но и еще *особое наказание* (в виде временного или пожизненного умаления известных полномочий или полного лишения их), налагаемое по суду в уголовном порядке.³⁸

Таково учение о содержании права.

³⁸ Сравни часть IV §§ 115–122.

§ 12. СУБЪЕКТ ПРАВА. ЛИЦО ФИЗИЧЕСКОЕ И ЮРИДИЧЕСКОЕ

Если мы будем называть того, за кем право признает известные полномочия, запретности и обязанности, – *субъектом права*, а всю совокупность его полномочий, запретностей и обязанностей – его *правовым состоянием*, то нам можно будет сказать: задача правовых норм в том, чтобы *устанавливать правовые состояния субъектов*. Это значит, что каждая правовая норма объявляет: тот, кто обладает *такими-то* внешними (напр., физическое здоровье) или внутренними (напр., душевная нормальность) свойствами, или кто совершает *такие-то* внешние поступки (напр., покупает или похищает чужую вещь), или принадлежит к *таким-то* группам людей (напр., к такому-то религиозному исповеданию), – должен быть признан субъектом *таких-то* полномочий, или *таких-то* запретностей, или *таких-то* обязанностей. Отсюда ясно, что не всякий, конечно, является субъектом *всех* полномочий, запретностей и обязанностей; мало того, право может установить, что некоторые полномочия, запретности и обязанности совсем не могут принадлежать некоторым субъектам права. Это выражается так: они *не обладают полною правоспособностью*.

Для того, чтобы какое-нибудь полномочие (или запретность, или обязанность) принадлежало какому-нибудь субъекту права, необходимо, чтобы правовые нормы, признали за ним вообще *способность иметь это полномочие* (или запретность, или обязанность). Эта «способность», именуемая *правоспособностью*, состоит в том, что человек в *действительности обладает* тем свойством, которое признано *необходимым условием*: напр., душевным здоровьем, зрелым возрастом и т. п. Наличие этого свойства делает его правоспособным; отсутствие его – делает его неспособным. При этом один и тот же субъект права может быть в одном отношении правоспособным, а в другом – неспособным; это бывает тогда, когда он обладает *одними* необходимыми свойствами и не обладает другими: напр., владеть имуществом могут и здоровые и больные; но поступать на государственную службу глухие и слепые не могут; для вступления в брак необходим известный возраст; а для участия в земских и государственных выборах нужен еще более зрелый возраст.

Таким образом, каждый из нас имеет определенную *правоспособность*, как бы он ни был юн и беден; именно благодаря этому и *только* благодаря этому он есть *субъект права* и имеет определенные полномочия, запретности и обязанности. Понятно, что человек может *обладать* теми необходимыми свойствами, которые делают его *правоспособным*, но самых *полномочий* может и *не иметь*: напр., взрослый, холостой, безземельный поденщик имеет большую *правоспособность*, хотя в его правовом состоянии совсем отсутствуют те обширные и разносторонние *полномочия, запретности и обязанности*, которые принадлежали бы ему, если бы он был женат, владел участком земли, домом, фабрикой и т. д.

По общему правилу, правоспособным, т. е. субъектом права, может быть *только человек*. Ни вещи, ни животные не могут иметь ни полномочий, ни запретностей, ни обязанностей. Признать дерево собственником, судить животных за преступления (как бывало в средние века), наказывать за ослушание стихии природы (Ксеркс бичевал море), – является, с точки зрения современного просвещенного правосознания, нелепым. Право создается человеком и распространяется только на людей.

Далее, необходимо признать, что правоспособным в большем или меньшем объеме является *всякий* человек. Правда, римские юристы в древности полагали, что «раб» совсем лишен правоспособности, что он – не субъект права, но подобен (по своему правовому состоянию) животному или вещи. Однако римские юристы в этом заблуждались: признать человека *совсем неспособным*, значит окончательно снять с него все правовые позволения, воспрещения и повеления и оставить его жизнь и его действия *вне подчинения пра-*

вовым нормам; а между тем положение рабов во многих отношениях регулировалось правовыми нормами. Так, возникновение и окончание рабского состояния подлежало действию правовых норм; с разрешения господина рабы могли самостоятельно вести хозяйство и даже имели своих рабов; они отпускались господином на оброк и с дозволения его могли заключать торговые сделки и даже писать завещания; они могли скопить богатство и выкупить себя на волю. Самое подчинение господину налагало на рабов правовую обязанность повиновения, но не лишало их совсем правоспособности; правда, правовое состояние раба состояло иногда почти целиком из обязанностей и запретностей, но был и элемент полномочий, который с течением времени все расширялся и упрочивался. Раб не был полноправным, свободным и равным гражданином, он стоял в особой зависимости от господина, но это *не лишало его всякой правоспособности*. Он оставался субъектом права, потому что правовые нормы и императивы устанавливали для него обязанности, запретности и полномочия.

Таким образом, в обществе людей, живущих в подчинении праву, *всякий живой человек является правоспособным*, хотя не всякий способен иметь *все* полномочия, запретности и обязанности. Особое положение здесь занимают те люди, которых нельзя признать вполне разумными, сознательными существами; так, малолетние и душевнобольные не могут сознавать значения своих поступков, и поэтому право делает для них целый ряд исключений. Они, конечно, не лишаются *всякой* правоспособности, но подвергаются значительным ограничениям. Во-первых, право не позволяет им совершать такие *действия*, которые увеличивают или уменьшают правовые состояния людей; это выражается так, что они лишены *дееспособности*: к ним назначается взрослый человек, *опекун*, который блюдет их правовое состояние – заведует их имуществом, уплачивает из него долги, вносит подати и т. д. Отсюда вытекает, что малолетние не способны также иметь *те полномочия и обязанности, для которых необходима дееспособность*, напр., они не могут участвовать в управлении государством. Во-вторых, за нарушение правовых норм малолетние и душевнобольные не подлежат той же ответственности по суду, как взрослые; это не значит, что с них снимаются все запреты, но значит только, что они подвергаются ответственности в порядке воспитательном или врачебном (увещания и взыскания). Из всего этого ясно, что дееспособность есть особый вид правоспособности, и поэтому всегда бывает так, что тот, кто имеет *дееспособность*, – имеет тем самым и правоспособность; понятно также, что *полная* правоспособность включает в себя и дееспособность.

Все это можно выразить так, что субъекту права предоставлено в пределах его полномочий и обязанностей – *решать и объявлять свое решение* или же *обнаруживать* его в форме внешних поступков: например, объявив свое решение, субъект права может *вступить в сделку*, или установить *судебный приговор*, или *издать правовую норму*; каждый раз, если у него, конечно, имеется для этого соответствующее полномочие или обязанность. Он может также обнаружить свое решение прямо в виде внешнего поступка: напр., уплатой денег своему кредитору; опущением конверта с избирательным бюллетенем в урну; или помещением своей подписи под готовым уже документом. Такие поступки в юриспруденции нередко называют *волеизъявлением*; однако, строго говоря, здесь следует говорить об изъятии не «воли», а «решения», потому что человеку нередко приходится *решать и поступать* не так, как это ему подсказывает его интерес и его живое желание (напр., при исполнении неприятных обязанностей).

Не следует думать, что субъектом права может быть только единичный человек – «индивидуум». Юристы называют индивидуального субъекта прав – «физическим лицом», т. е. правовым лицом, существующим как бы «от природы». Наряду с физическим лицом право знает еще другую разновидность субъектов – «юридическое лицо»; оно не существует «от природы», но представляет из себя такого субъекта прав, который устроен или *организован людьми*.

Каждый человек имеет множество различных интересов и целей, и среди них могут быть такие интересы и такие цели, которые одинаково присущи множеству людей. Каждый человек осуществляет свои интересы и свои цели отдельно и самостоятельно, про себя и для себя – в качестве *индивидуального* субъекта права (физического лица), и в этом деле он имеет *свои особые* полномочия, запретности и обязанности. Однако в осуществлении своих интересов люди могут быть *объединены*, и тогда может быть организован новый субъект права, *один* для многих людей, *общий* для них и объединяющий их. Для этого нужно, конечно, чтобы у всех объединяющихся людей были не только «*одинаковые*», каждым порознь осуществляемые цели (у многих людей много отдельных похожих целей), но один «*общий*» всем интерес (один и тот же у многих) и одна *общая* всем цель (одна и та же для многих); тогда может возникнуть *юридическое лицо*. При этом юридическое лицо будет или *корпорацией*, или *учреждением*.

Если несколько людей организуют новое юридическое лицо с тем, чтобы *самим войти в его состав*, тогда этот новый субъект прав именуется *корпорацией*. Тогда они соединяют свои силы и части своего имущества для достижения общей цели и образуют с разрешения правовых норм *единый союз*. Такой союз имеет свой писанный устав, устанавливающий его цель и его организацию, свои особые полномочия и обязанности и рассматривается как единое целое, как особый субъект прав. Каждый участник не только пользуется наравне с другими членами благами или доходами, которые добываются деятельностью союза, но, главное, участвует совместно с другими членами в вырабатывании на *общем собрании единого решения* по основным жизненным вопросам союза; решение это принимается большинством голосов и приводится в исполнение отдельными, специально для того выбранными и уполномоченными людьми («правлением» или «советом»), которые являются «органами» юридического лица. Действия этих органов, если они совершены согласно уставу, считаются действиями самого юридического лица. Такими корпорациями являются, например: акционерные компании (с их «общим собранием» и «правлением»); приходские церковные союзы (с собранием прихожан, причтом и старостой); сельские, городские, дворянские самоуправляющиеся общества и, наконец, – государство.

Однако юридическое лицо может быть организовано *помимо* тех людей, интересам и целям которых оно будет служить; тогда оно называется *учреждением*. Учреждение возникает так: кто-нибудь (физическое лицо или корпорация) объявляет в письменной форме, что он с согласия государственной власти *назначает* такое-то жертвуемое им *имущество* – для *служения* таким-то интересам таких-то людей и что *управлять* им будут такие-то лица (обычно утверждаемые или назначаемые государственной властью). Лица эти берут на себя обязанность и полномочие управлять и заведовать пожертвованным имуществом, но *не в свою пользу*, а для служения той цели, которая была указана учредителем; от имени нового юридического лица они и действуют. Учреждение рассматривают как особый субъект права и признают за ним особые полномочия и обязанности, хотя юристы соглашаются, что трудно указать, кого из людей следует подразумевать, говоря о полномочиях и обязанностях учреждения. Этот вопрос еще не решен в науке права. Такими учреждениями являются, например: университеты, больницы, государственный банк; многие учреждения создаются и поддерживаются государством как единой властвующей корпорацией.

§ 13. ПРАВООТНОШЕНИЕ. ПРИМЕНЕНИЕ ПРАВА

В борьбе за существование, за усовершенствование личной и общей жизни люди постоянно вступают друг с другом в различные *отношения*: они обращаются друг к другу с просьбами, обещаниями и приказами, отдают друг другу разные вещи, обмениваются ими и совершают друг для друга различные действия. При этом они обыкновенно заботятся о том, чтобы сказанное было услышано другим, а отданная вещь – была им принята; чтобы они сами совершили те действия, на которые претендует другой, и чтобы другой не нарушил данного им слова или установленного соглашения. Каждый из нас постоянно претендует на то, чтобы другие люди что-нибудь делали для него (напр., везли его, отдавали купленное, готовили ему кушанье и т. д.) или чего-нибудь не делали, соблюдая его интерес (напр., не входили без спроса в его жилище, не портили и не похищали его вещей, не оскорбляли его и т. д.). Эти чужие действия и не-действия являются *предметом* наших *претензий*.

Не все эти отношения имеют *правовое значение*; иными словами, *не все* эти обещания, соглашения и обмены *устанавливают* для обещающих и принимающих обещаний, для соглашающихся и обменивающихся – *правовые полномочия, запретности и обязанности*; и, далее, не всякое распоряжение вещью и не всякое действие человека влечет за собою правовые, принудительно осуществляемые и поддерживаемые последствия; не всякая претензия есть *притязание, основанное на праве*. Человек может *требовать* от другого человека совершения таких действий, которые для другого вовсе не обязательны. Все это можно выразить так: не всякое *отношение* людей есть *правоотношение*.

Отношение людей будет только тогда правоотношением, если *правовые нормы предусматривают его и укажут, какие правовые последствия оно влечет за собою*. Правовые нормы определяют, кто и какие поступки может или должен совершить для того, чтобы между ним и другими людьми возникло (не внутреннее моральное или просто житейское отношение, но) именно *право-отношение*.

Это можно выразить так, что каждое отношение людей есть правоотношение *лишь постольку*, поскольку оно есть *встреча правовых полномочий, запретностей и обязанностей, принадлежащих разным субъектам прав*. Люди участвуют в правоотношениях не как простые люди, но как *субъекты прав*, способные участвовать в таком правоотношении; постольку их слова и дела оказываются *юридическими действиями*, за которые они отвечают; предмет их претензии становится *предметом правового притязания*; их обещание создает для них – правовое *обязательство*, а для другого, получившего обещание и ожидающего его исполнения – *правовое притязание* (т. е. основание *требовать*); их приказ получает также правовое значение и становится *властным распоряжением*. С виду все остается по-старому, но *юридически все меняется*.

Правовые нормы указывают людям их полномочия, запретности и обязанности именно для того, чтобы *пропитать их отношения правовым значением*, превратить их в *правоотношения* и тем упрочить взаимную уверенность, мир и порядок. Оказывается, что каждое отношение людей, если оно предусмотрено правом, следует рассматривать с этой точки зрения: *как распределяются между его участниками правовые полномочия, запретности и обязанности?* Такое отношение есть встреча внешних полномочий и обязанностей; оно есть право-отношение. Это значит, что объективное право устанавливает субъективные «права» лиц, а субъективные «права» лиц, встречаясь, образуют правоотношение; если же представить себе *все* правоотношения между людьми, то их можно будет назвать *правопорядком*. Сущность правопорядка можно изобразить так: каждый из нас, определив свои полномочия, предоставленные ему объективным правом, может быть твердо уверен, что каждому *его* полномочию – соответствует обязанность, а может быть, сверх того, и запретность у

других людей и, обратно, что каждой *его* обязанности – соответствует полномочие у *кого-нибудь другого*. Если я уполномочен, – значит, кто-то обязан; если я обязан, – значит, кто-то уполномочен. После всего сказанного нетрудно понять, что такое *применение права*. Всякая правовая норма, в каких бы словах она ни была выражена и о чем бы в ней ни говорилось, устанавливает *правовые состояния* тех или других субъектов права (физических лиц или юридических лиц). Поэтому продумать правовую норму, или, что то же, подвергнуть ее *юридическому анализу*, значит раскрыть: для *каких именно* субъектов права, *какие именно* полномочия, запретности и обязанности в ней устанавливаются; а так как встреча различных полномочий, запретностей и обязанностей есть правоотношение, то задачу этого анализа можно определить так: раскрыть, *какие отношения людей предусматриваются в этой норме и какие правовые последствия им придаются*. При этом надлежит помнить, что правовые нормы никогда не утверждают, что такие-то люди, с такими-то свойствами и поступками или такие-то человеческие отношения *в действительности существуют* или бывают. Иногда правовые нормы формулируются так, как если бы они описывали какое-нибудь фактическое событие, например: «король *назначает и сменяет* министров»;³⁹ «законодательная власть *осуществляется* совместно королем, палатой представителей и сенатом»;⁴⁰ «тайна переписки неприкосновенна»;⁴¹ или еще «виновный в том-то... *наказуется* так-то» и т. д. Этого не следует понимать буквально; все события, о которых говорится в нормах, устанавливаются правом как *должные* и предусматриваются им как *возможные* в будущем. Часто бывает так, что должное и предусмотренное действительно наступает: король в самом деле сменяет министров, люди в самом деле оставляют завещания, организуют корпорации, уплачивают предписанные налоги, совершают предусмотренные преступления. Однако может случиться и так, что долгое время никто не совершает предусмотренного преступления или, например, монарх не пользуется своим полномочием сменять министров и т. д. Тогда соответствующие правовые нормы остаются как бы в выжидательном состоянии: они временно не имеют «приложения» или, как говорят юристы, – они *не применяются*.

Применить правовую норму, значит *подчинить* ей, как *правилу*, *данное отношение людей* (данный «случай»). Это надо представлять себе так. Каждая правовая норма говорит следующее: *когда в жизни людей обнаружится такое-то (дозволенное, запретное или обязательное) деяние или отношение, или возникнет такое-то лицо – то признать за этим лицом, или за участниками этого отношения, или за совершителем этого деяния такие-то полномочия, запретности и обязанности*. Каждую правовую норму необходимо изложить по этому трафарету для того, чтобы понять ее, как следует. Тогда окажется, что в каждой правовой норме описывается в отвлеченном виде (или подразумевается) некоторое *деяние* (напр., «виновный в умышленном повреждении чужого имущества»), или *отношение* (напр., «соглашение о невзыскании долга», «неосторожное причинение убытка», «распоряжение полиции»), или *лицо* (напр., «наследник престола», «министр», «Государственная Дума», «всякий подданный»); нередко и то, и другое, и третье. Прежде чем применять правовую норму, надо убедиться, что это предусмотренное правом деяние, отношение, лицо – *действительно имеется в данном случае*; а для этого по основному правилу необходимо, чтобы характерные черты данного случая *вполне совпадали* с признаками предусмотренного деяния. Так, например, если в норме говорится об «умышленном повреждении чужого имущества», то необходимо убедиться, что и в данном случае действительно «повреждено имущество», и притом именно «чужое» (а не свое), и притом «умышленно»; и что данное лицо действительно «виновно» в этом, т. е. что оно не только вообще ответственно за свои

³⁹ Статья 65 Итальянской конституции 1848 года.

⁴⁰ Статья 26 Бельгийской конституции 1831 г<ода>.

⁴¹ Статья 33 Прусской конституции 1850 г<ода>.

поступки, но несет вину *и в этом* деле; тогда только ему может быть назначено наказание. Или, например, если в норме предусматривается «соглашение о невзыскании долга», то необходимо убедиться, что и в данном случае действительно состоялось «соглашение» между сторонами, и притом именно о «невзыскании долга», и притом именно того долга, о котором возник спор, и т. д. Если же признаки, обозначенные в норме, действительно имеются и в данном случае, тогда *за каждым лицом утверждаются те самые полномочия, обязанности, запретности или взыскания и наказания, которые назначены в правовой норме*. Это решение объявляется всем заинтересованным лицам и затем поддерживается всею силою государственной власти, так, чтобы каждый мог беспрепятственно осуществлять свое полномочие, чтобы каждый исполнил свою обязанность, отбыл свое наказание и т. д.

Таким образом, применение правовых норм проходит через *три* стадии: сначала происходит *сравнительный анализ нормы и данного случая*, затем *решение* и, наконец, *принудительное поддержание его и осуществление*. Важно иметь в виду, что применять правовые нормы может *не всякий*, но только тот, кто имеет для этого особое полномочие от властвующего союза. Это означает, что *соблюдать* право и *применять* право не одно и то же; соблюдать право, значит *повиноваться* ему, а повиноваться праву обязан *всякий* гражданин; применять же право, значит работать над тем, *чтобы другие его соблюдали* и ему повиновались, а для этого необходимо особое (публично-правовое, см. § 15) полномочие. Применение права есть дело крайне важное и ответственное; в момент применения право подчиняет себе жизнь людей, овладевает ею и заставляет ее осуществлять свои предписания. В этот момент решается вопрос о правовом состоянии людей и, следовательно, об их внешней жизни: применение права может, например, повести к тому, что богатый утратит свое имущество, а бедный его получит, что один будет оправдан, а другой, может быть, будет приговорен к тяжелому наказанию. Отсюда каждый из людей оказывается морально и юридически заинтересованным в том, чтобы применение права совершалось людьми, *умудренными знанием и справедливостью*.

Знание необходимо здесь потому, что сравнительный анализ нормы и данного случая есть дело в высшей степени трудное. Необходимо прежде всего найти соответствующую правовую норму, что бывает не всегда легко, ввиду их множества; а так как не все правовые нормы записаны в определенных словесных выражениях, то иногда бывает необходимо проверить, имеется ли соответствующая норма, формулировать ее в словах и признать за ней правовое значение (см. § 20). Затем бывает нередко так, что смысл нормы неясно выражен и что ее необходимо подвергнуть *толкованию*; так, многие правовые нормы могут быть поняты лишь после сопоставления их с другими нормами, изложенными ранее (ибо нет возможности повторять в каждой норме все определения, ранее установленные); другие нормы разъясняются только тогда, если принять во внимание намерение законодателя и т. д.

Но особенное значение получает в деле применения права *справедливость* (см. § 9). Требование справедливости состоит в том, чтобы *решение* стояло в действительном и строгом соответствии с тем случаем, к которому оно применяется. Дело в том, что право не может предусмотреть всех тех особенностей и видоизменений, которые могут сложиться в действительности, и потому оно всегда дает только общие, отвлеченные и все уравнивающие указания; зато оно предоставляет многое живому, *справедливому усмотрению* судьи и правителя. Задачей того, кто применяет право, является как раз – *приспособление общего и отвлеченного предписания к особенностям единичного случая и отношения*. Один и тот же приговор или решение, подходящие к одному случаю, будут несправедливы в другом: так, например, мало определить размер причиненного убытка, важно учесть, насколько такой убыток разорителен для потерпевшего; мало установить, что преступление совершено, важно учесть, нечаянно оно совершено или нарочно, способен преступник его повто-

речь или нет; мало знать, что налог не уплачен, необходимо установить, не было ли здесь каких-нибудь несчастных причин, с которыми недоимщик впоследствии справится, и т. д. Справедливость требует, чтобы право не применялось без оглядки, в слепом равнодушии и без всякого снисхождения к человеческой слабости и невежеству; она требует, наоборот, чтобы всюду, где только возможно, учитывались личные свойства субъектов и их намерения; она требует далее, чтобы всюду, где только право может выступить на поддержку морали и добрых нравов, применение нормы служило бы этой высшей цели, она требует, наконец, чтобы тот, кто применяет право, имел в виду только одно – *правое и верное решение* и не поддавался никаким соображениям постороннего свойства: пристрастию, лицепритию или, тем более, корысти. Такое применение права приучает людей ценить его и уважать; оно созидает в стране *правосудие* и *мудрое правление*.

§ 14. ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. ДЕЙСТВИЕ ПРАВА ПО ВРЕМЕНИ, ПО МЕСТУ И ПО ЛИЦАМ

Правовые нормы, *установленные правовой властью и подлежащие применению*, называются *положительным* правом. Положительное право не следует противопоставлять естественному, т. е. морально-верному праву (см. § 8), так, как если бы они друг друга исключали; потому что в составе положительного права, установленного и применяемого властью, могут быть морально-верные нормы, и притом, чем больше их, тем положительное право совершеннее. Однако положительное право и естественное право все же далеко не совпадают и поскольку они *не* совпадают, постольку естественное право является *идеалом* положительного права. Отношение между ними можно выразить так, что прогресс общественной жизни состоит в постепенном приближении положительного права к естественному; *идеал* состоит здесь в том, чтобы *все* положительное право стало естественным (т. е. морально-верным), а *все* естественное право стало положительным (т. е. получило признание и применение со стороны власти).

Это постепенное развитие положительного права состоит в том, что «устарелые» нормы отменяются, а на их место устанавливаются новые. Норма считается устарелой или тогда, когда прежний общественный уклад уступил свое место новому, или тогда, когда нравственное чувство людей стало более глубоким и верным и перестало удовлетворяться старым правом. История свидетельствует о том, что развитие и усовершенствование положительного права совершается медленно, но неуклонно; медленно потому, что всегда есть группы людей, которым старое право полезнее и выгоднее и которые обыкновенно соглашались на его отмену лишь после долгого и упорного сопротивления; неуклонно потому, что всегда появляются новые группы людей, неудовлетворенные старым правом, считающие его вредным или несправедливым. В результате этой борьбы право всегда оказывается исправленным, дополненным и обновленным; но это исправление всегда подготавливается долго и медленно: люди настолько привыкают к старым правилам, что иногда изменение их начинает казаться им полной отменой всяких правил.

Для того, чтобы нормы положительного права подверглись обновлению и исправлению, необходимо, во-первых, чтобы люди в этом действительно нуждались (*потребность в реформе*), во-вторых, чтобы эта нужда была *осознана* (*выяснение потребности*), в-третьих, чтобы сложилось уверенное знание того, что именно и в какую сторону должно быть изменено (*составление проекта реформы*) и, наконец, в-четвертых, чтобы эта осознанная потребность могла бы побудить уполномоченных создателей права осуществить реформу (*предложение, принятие и утверждение проекта*). Таким образом, прежде чем появится *новое право*, необходимо, чтобы у народа или хотя бы у создателей права сложилось бы *новое правосознание*, т. е. представление о новом праве и чувство нового правового строя.

Таковы в общем *причины*, под влиянием которых слагается и растет положительное право; это — *хозяйственные и культурные интересы людей* (т. е. целых общественных групп), *потребность в мире и порядке и моральное чувство*; все это вместе создает *новое правосознание*, пробивающее себе постепенно дорогу и получающее, наконец, форму и значение правовых норм.

Однако для того, чтобы новое правило поведения, сложившееся в правосознании людей, получило значение правовой нормы, необходимо участие *уполномоченных людей*, деятельность которых протекает в *установленном порядке*, или, что то же, имеет *обязательную форму*. С того момента, как все эти формальные требования соблюдены, правовая норма должна обязательно соблюдаться и применяться. Это можно выразить так, что «действие» правовой нормы имеет свои *пределы во времени*: обязательность ее имеет свое *начало* и свой

конец. Правовая норма всегда применяется к свойствам, деяниям и отношениям людей; и вот нередко бывает так, что к моменту установления новой правовой нормы в действительности уже накопились предусматриваемые *ею* свойства, деяния и отношения. Люди приобретали эти свойства, совершали эти деяния и вступали в эти отношения, или зная, что они *вовсе не предусмотрены правом*, или имея в виду *старые правовые нормы*, которые может быть не запрещали того, что теперь запрещено, или не возлагали столь тяжелых обязанностей. Самая основная задача права состоит в том, чтобы указать разумному существу такое правило поведения, которое оно могло бы иметь в виду *постоянно и заранее*, т. е. *до* каждого отдельного решения и поступка; поэтому было бы противно справедливости и задачам права, если бы на человека налагались более тягостные взыскания за нарушение права, установленного *вновь*. Вот откуда возникает общее правило: *право не имеет обратного действия*, оно означает, что новые правовые нормы применяются *только* к тем деяниям и отношениям, которые состоялись *после* их установления; к тем же деяниям и отношениям, которые возникли *раньше*, применяются по-прежнему *отмененные* правовые нормы. Это правило о *неприменимости права к остаткам прежней жизни* имеет, впрочем, несколько исключений: оно не соблюдается, во-первых, если в новой норме прямо повелевается распространить ее на *все* случаи без исключения (так бывает, когда этого требует общее благо, напр., при отмене несправедливых преимуществ или при введении новых повинностей); оно не соблюдается, во-вторых, если новый закон *смягчает* наказание преступнику.

Отсюда уже понятно, что огромное большинство правовых норм прекращает свое «действие» (т. е. перестает применяться) *не сразу*. К *новым* событиям правовая норма перестает применяться только после своей прямой *отмены*; но и после этого она «умирает» не сразу, а лишь по мере того, как исчезают остатки прежней жизни.

Таким образом, нет и не может быть такой правовой нормы, которая была бы обязательна во *все* времена, *повсюду* и для *всех* людей. «Действие» правовых норм имеет не только *временные пределы*, но и *пространственные границы*.

Вообще говоря, нормы положительного права могут быть установлены в любом человеческом союзе, *если в нем есть лица, уполномоченные создавать правила внешнего поведения*; но в организованной жизни человечества особое значение имеют те союзы, деятельность которых происходит в известных *пространственных* границах: таковы государства, земские союзы, городские союзы и некоторые другие. Правовые нормы такого союза обязательны и применимы (по общему правилу) только в границах данного города, уезда, губернии и государства; т. е. они применяются только к тем состояниям, деяниям и отношениям людей, которые состоялись или обнаружались в их пределах. Это понятно, потому что за этими пределами начинаются тотчас же пределы другого, соседнего союза, который имеет *свои* правовые нормы и требует повиновения им. За исключением некоторых пустынных областей Африки и Азии, каждый клочок земной поверхности отведен или захвачен в ведение того или иного государственного союза людей; это выражается юридически так: *на каждой территории действует свое право*. Понятно, что правовые предписания различных государств во многом не сходны, и это обнаруживается при постоянных переездах или длительном пребывании членов одного государства на территории другого. Тогда предписания норм сталкиваются, между ними возникает *конфликт*, который разрешается каждый раз по особым правовым правилам; для этого в каждом государстве есть особые нормы, именуемые *конфликтным правом*.

По общему правилу, каждая правовая норма, установленная правовым союзом, применяется на *всей* территории его; однако могут быть установлены правовые нормы, действующие исключительно в отдельных губерниях или частях государства. Такие нормы называются *местным правом*; *местные* законы исключают действие *общих*. Так, например, особое

частное право (см. § 15) действует на русских окраинах: свое – в Финляндии, свое – в Польше и свое – в Остзейском крае.

Наконец, «действие» правовых норм может быть ограничено не только временем и пространством, но и *личными особенностями человека или целых групп людей*, если это специально установлено в праве. Отсюда происходит деление правовых норм на *общие* и *специальные*. По общему правилу, нормы права должны применяться к предусмотренным деяниям и отношениям *всех* членов союза и в этом смысле все равны *перед законом*. Но *по закону* могут быть и не все равны; это означает, что иногда устанавливаются правовые нормы, возлагающие особенно *тяжелые обязанности* на одних, освобождая других от этого бремени (напр., прежнее деление русских сословий на «податные» и «неподатные»), или же предоставляющие кому-нибудь особые *преимущественные полномочия (привилегии)*; эти привилегии могут даваться за личные заслуги (напр., привилегии изобретателей или вновь учреждаемых дворянских родов) или принадлежать целым сословиям, переходя из рода в род. Этот порядок можно выразить в виде правила: *специальный закон исключает действие общего*. Понятно, что полное правовое равенство людей состояло бы не только в *равенстве перед законом* (когда каждая норма применяется ко *всем без исключения* предусмотренным ею деяниям и отношениям), но и в *равенстве по закону* (когда ни одна норма не устанавливает ни для кого *ни* преимущественного полномочия, *ни* меньшего бремени обязанностей и запретностей). Понятно также, что *полное* уравнивание людей *по закону* легко повело бы к несправедливости (см. § 9) и даже к разрушению правопорядка, ибо правопорядок всегда основан на том, что одни люди имеют *преимущественное* перед другими полномочие властвовать, творить право и суд (см. §§ 8, 9, 10).

§ 15. ДЕЛЕНИЕ ПРАВА. ПРАВО ПУБЛИЧНОЕ И ЧАСТНОЕ

После всего сказанного нетрудно понять, в чем основная сущность права. Люди, объединенные в *союз*, поручают отдельным членам союза *устанавливать общеобязательные правила внешнего поведения*; правила эти, *предусматривая различные свойства, деяния и отношения* людей, указывают, какие *полномочия, обязанности и запретности* должны быть признаны за теми, кто имеет эти свойства, совершает эти деяния, вступает в эти отношения; *объективное право* решает, таким образом, кто есть *субъект права* и какие *субъективные права* входят в *правовое состояние* каждого из нас; в результате такого *применения* права отношения людей утверждаются как *правоотношения*, а все правоотношения, взятые вместе, образуют *правопорядок*.

И вот все право, как объективное, так и субъективное, разделяется на две большие части: на право *публичное* и право *частное*. Согласно этому делению, каждая правовая норма, каждое правовое полномочие или обязанность, наконец, каждое правоотношение должны быть признаны или *публичным* или *частным*.

В каждом правоотношении, как было показано выше, встречаются: с одной стороны, полномочие, принадлежащее одному субъекту, с другой стороны, обязанность (а может быть и запретность), принадлежащая другому субъекту; между тем и другим всегда есть *строгое* соответствие. При этом, говоря о правоотношении, не следует представлять себе встречу двух или многих *правовых состояний*, взятых в целом, но встречу *одного единого* полномочия, принадлежащего *одному* субъекту, с *единой* обязанностью, принадлежащей *другому*. Правоотношение есть всегда *одна единая* тонкая нить, протянувшаяся между двумя субъектами; поэтому между *каждыми* двумя людьми существует *целый ряд* правоотношений, и одни из них могут быть публичными, а другие частными. В основании этого деления лежат следующие различия.

Для того, чтобы правоотношение было *публичным*, а не частным, необходимо, *во-первых*, чтобы одному субъекту принадлежало *полномочие на власть* по отношению к другому, а другой имел бы *обязанность подчиняться* первому. Это означает, что публичное правоотношение есть правоотношение юридически *не равных* субъектов: один является юридически *независимым* от другого (в пределах *этого* правоотношения!) и притом *авторитетным* для него; другой, напротив, обязан «признавать» авторитет первого, т. е. *повиноваться* ему и постольку является *подчиненным*. Понятно, напр., что отношение каждого из нас к тому внешнему авторитету (к государственной власти, церковной власти), который *устанавливает* правовые нормы, *следит* за их исполнением и *применяет* их — является всегда публично-правовым. Отсюда ясно, что *частное* правоотношение есть правоотношение юридически *равных* субъектов: ни один из них не является для другого *правовым авторитетом*; однако при этом *оба одинаково подчинены третьему*, вне их правоотношения стоящему правовому авторитету, которому они обязаны повиноваться и к которому могут обратиться за разрешением спора о полномочиях и обязанностях.

Понятно, что каждому из нас легче иметь частно-правовые полномочия, чем публично-правовые: потому что «простых смертных» много, а людей, имеющих полномочие властвовать и повелевать, немного, да и они сами вне этих своих полномочий могут вступать только в *равные* правоотношения. Не следует вообще думать, что если кто-нибудь имеет полномочие на власть, то *все* правовое состояние его является «публично-правовым» и все должны *во всем* ему повиноваться. Никто не имеет полномочия на «безграничную» власть; напротив, всякое полномочие, и в том числе всякое публично-правовое полномочие, имеет строгие пределы. И как только человек начинает действовать вне этих пределов, он действует без полномочия на власть, он сам является «простым смертным» и *подчинен общим*

законам. Исключением является только монарх: *полномочия* его, правда, определяются законами, но *деятельность* его *общим* законам не подлежит и по ним не обсуждается (см. § 19).

Полномочие на власть может быть названо латинским словом империум (*imperiū*), и тогда окажется, что в *публично-правовом* отношении империум *всегда принадлежит одному из встречающихся субъектов*, а в *частно-правовом* отношении империум *принадлежит не им, а правовому авторитету, возносящемуся над ними*. Но так как полномочие на власть только и может принадлежать *правовому авторитету* (в этом основная черта права, см. главы 8 и 9), то в *публичном правоотношении одна из сторон всегда является правовым авторитетом* или *правовой властью союза* (государства или церкви).

Для того, чтобы яснее понять это, необходимо помнить, что каждый союз, самостоятельно создающий правовые нормы и управляющийся на их основании, есть союз, *властвующий* над своими членами. Нельзя установить правовую норму, обязательную для всех (независимо от того, одобряют они ее или нет), не обладая полномочием на *власть*. *Правовая власть* есть не что иное, как *полномочие устанавливать и применять правила поведения*. Эту правовую власть следует рассматривать как единое полномочие единого субъекта прав – союза в целом как единой *корпорации*. Но при осуществлении своем эта власть является разделенной на множество отдельных полномочий, предоставленных отдельным субъектам права – единичным лицам (напр., в государстве – монарх, министр, губернатор, мировой судья; в церкви – епископ, иерей), или корпорациям (напр., в государстве – земства и города; в церкви – приход, епархия), или учреждениям (напр., в государстве – государственная дума, сенат, казенная палата). Всем этим субъектам права властвующий союз *поручает* «делать то-то и то-то», от своего лица; они «властвуют» не от себя и не для себя, но от имени *союза*, осуществляя *его* цели, *слагая за него решения* и объявляя их от *его* лица. Все эти физические и юридические лица называются *органами* союза (органами государства, органами церкви). Органы властвующего союза – это те субъекты права, которые приняли от союза *обязанность* осуществлять *его* *полномочия* и вследствие этого получили по отношению ко всем остальным членам союза или к некоторым из них *полномочие* повелевать от лица союза и требовать повиновения.

Отсюда ясно, что тот, кто *не повинуется органу* союза, тот не повинуется *самому союзу*: потому что *власть органа есть власть самого союза*. И тот, у кого обязанность повиноваться встречается с *властным полномочием органа*, тот стоит в правоотношении с *самим союзом*: потому что *полномочие органа есть полномочие самого союза*. И если кто-нибудь имеет полномочие (напр., избирательное право), которому соответствует *обязанность органа* (напр., охранять законность, свободу и тайну выборов), тот стоит в правоотношении с *самим союзом*: потому что *обязанность органа есть обязанность самого союза* (в данном примере – государства).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.